

Чеченский блюз

Автор:

Александр Проханов

Чеченский блюз

Александр Андреевич Проханов

«Зимнее белесое солнце, чуть заметное сверкание инея. И под этим холодным светиллом – выступы и ромбы брони, башни танков с длинными черными пушками, поротно стоящие бэтээры, колонны заостренных боевых машин пехоты, грузовые фургоны и кунги, решетчатые тарелки антенн, штыри, перекрестья и мачты, брезентовые палатки с дымами из железных труб, артиллерийские тягачи, санитарные машины с крестами, черная рытвина дороги, в которой рвется, буксует, не в силах вырваться, наливник. И за этой дорогой – коричневая чеченская степь, ржавые холмы с перепутанным сникшим бурьяном, красноватое село с кирпичными домами, веретенообразной колючей мечетью...»

Александр Андреевич Проханов

Чеченский блюз

Он был облечен в одежду, обагренную кровью...

Откровение Иоанна Богослова

Глава первая

Зимнее белесое солнце, чуть заметное сверкание инея. И под этим холодным светиллом – выступы и ромбы брони, башни танков с длинными черными пушками, поротно стоящие бэтээры, колонны заостренных боевых машин пехоты, грузовые фургоны и кунги, решетчатые тарелки антенн, штыри, перекрестья и мачты, брезентовые палатки с дымами из железных труб, артиллерийские тягачи, санитарные машины с крестами, черная рытвина дороги, в которой рвется, буксует, не в силах вырваться, наливник. И за этой дорогой – коричневая чеченская степь, ржавые холмы с перепутанным сникшим бурьяном, красноватое село с кирпичными домами, веретенообразной колючей мечетью. И в далеком тумане бело-розовый город, его дымы, кварталы, неясные мерцания, колыхание пара, таинственная невнятная жизнь, отделенная от его, Кудрявцева, глаз толщей студеного синеватого воздуха с редким пролетом искристых разноцветных снежинок. Командир роты капитан Кудрявцев смотрел на Грозный, куда нацелилась бригада, и город казался видением, готовым исчезнуть в этот последний день завершеного года. Глаза его ловили пролетающие искорки, подошвы ботинок упирались в сухую, пробитую морозом землю, под которой шевелилась жидкая незастывшая грязь.

Сочетание зимнего света, размытого серебристого облака, цветных снежинок вдруг странно колыхнуло его, будто прилетела и ударила в висок невидимая частичка. Пробила крохотное, как игольный укол, отверстие, и сквозь этот прокол он улетел в другое пространство и время. Их дом, окруженный забором, замерзшая грязь у крыльца. Гусь, важный и гладкий, втянул шею, положил на грудь оранжевый клюв, стоит на розовой ноге. Новогодняя елка в окне, и такая детская печаль, чувство последних мгновений исчезающего года, предчувствие огромной, ожидающей его жизни, полет разноцветных снежинок.

Это длилось секунду, и он вернулся обратно. Стоял на чеченских холмах среди танков, антенн и палаток. Наливник вырубивал из жидкого пластилина дороги, медленно шел, надсадно ревел, соскальзывал в жидкую колею.

Звучно шлепая замызганными ботинками, подбегал посыльный. Издалека прикладывал ладонь к пятнистому картузу, громко выкрикивал:

– Товарищ капитан!.. К комбригу!.. Срочно!..

Гусь с оранжевым клювом. Детская елка с игрушками.

Он прошел сквозь каре, составленное из бэтээров и танков, полуутопленных в жидкой земле. Обогнул машины связи с пиликающими и верещащими рациями, затянутую маскировочной сеткой штабную палатку. Приблизился к кунгу, где обитал комбриг. Перед кунгом уже собрались начштаба, начальник артиллерии, зам по тылу, начальник разведки и особист.

«Весь хурал, – удивленно подумал Кудрявцев, останавливаясь чуть поодаль, не смешиваясь со старшими офицерами. – А я-то зачем, интересно?» Офицеры нетерпеливо топтались, поглядывая на железные двери, откуда ожидалось появление комбрига.

Начальник штаба, худой, с унылым желтоватым лицом, утиным носом и болезненными, тревожно бегающими глазами, простуженно кашлял в костлявый кулак.

– Вы мне дайте сперва обстановку!.. Дайте расположение противника!.. Дайте привязку для артиллерии!.. А уж потом толкайте в город!.. Мы здесь неделю торчим, а ты там бывал, разведчик?.. Я тебя спрашиваю, ты мне можешь показать опорные пункты?..

– Да какие тебе опорные пункты! – отмахнулся от него начальник разведки. – Троллейбусы ходят, магазины работают. Войдем, оглядимся, я тебя в ресторан свожу.

– Они тебя сводят в ресторан, гранатометом по яйцам! – огрызнулся начальник штаба и тут же закашлялся, сипло, со свистом, дуя в немый кулак. И все смотрели, как мучительно ходят лопатки на его сутулой спине.

Начштаба был умный, дотошный. Раздражался от вечных недугований, неустройства, некомплекта техники и личного состава, изношенности моторов, нехватки снарядов, неразберихи и спешки, в которой их собрали, погрузили кое-как в эшелон, тащили неделю по Среднерусской равнине и, высадив в зимних сырых предгорьях, двинули напрямик, минуя дороги и тракты. На первом же переходе в сумерках по колонне с соседних холмов ударила установка «Град». Сожгла грузовик, перевернула два бэтээра. В темном воздухе густо летели красные трассеры, перекрещивались и мелькали белые пунктиры пулеметов, дымно горел грузовик, и он, ротный Кудрявцев, впервые попав под обстрел, стоял во весь рост, растерянно наблюдая полет множества разноцветных,

наполнивших небо огней.

– Кто знает, зачем нас комбриг позвал? Может, звезду обмывать? – Особист плутовато стрельнул глазами и щелкнул себя по шее, словно уже видел солдата в белом фартуке, несущего с кухни свежую выпечку, кастрюлю с картошкой, зеленые, ядовитого цвета, помидоры, все это уже на столе вокруг желанной бутылки. – Повезло командиру! В самый Новый год получить полковника! Вот что значит дружить с Дедом Морозом!

Все засмеялись. Шутка особиста намекнула на московские связи комбрига, а сам шутник был похож на продрогшего мужика, знающего, где выпить.

Бригада была, как большая деревня, в которой вместо домов и посадок поротно построились транспортеры и танки. Любое происшествие или слух передавались от машины к машине, от экипажа к экипажу столь же быстро, как из конца в конец большого села. Еще не пришел в бригаду приказ о присвоении комбригу звания полковника, а только по связи из округа поступило устное сообщение, оно уже стало известно каждому прапорщику и контрактнику, возбудило их и обрадовало. Словно это коснулось их лично, сулило им благие перемены. Офицеры радовались, но и завидовали, ибо одновременно с присвоением комбригу открывался путь в Москву. В сахарное нарядное здание Академии Генерального штаба, подальше от этих чеченских полей, от составленных в каре заиндевевших машин, от туманного грязно-белого и враждебного города.

– Командир дал понять, что вечером обмываем звезду, – сказал зам по тылу, полный, рыхлый майор, на котором форма сидела неловко, словно сырая, а щеки, покрытые розоватым прозрачным жирком, вздрагивали и становились пунцовыми, когда он начинал волноваться. – Я по этому случаю телка добыл. Телятинки свежей отведаем.

– Чей теленок? Дудаевский? – поинтересовался связист, поводя чутким носом, словно надеялся среди холодной брони и выхлопов танка уловить запах горячего мяса. – Где, говорю, телка добыл?

– Сам в плен сдался! – хмыкнул зам по тылу и посмотрел вверх башен и пушек на далекие ржавые холмы, где в изморози краснело село и тонко взвивалась мечеть. – Добровольно перешел на нашу сторону!

Кудрявцев стоял поодаль, слушал, как балагурят офицеры. Было ему неуютно и тревожно на зимнем ветру, уносившем синеватые выхлопы танка.

Остроконечная, под низким небом, мечеть. Белесое, сквозь маскировочную сетку, солнце. Отпечатки солдатских подошв на вязкой, прихваченной морозом грязи. Все хрупко, одновременно, связано с исчезновением времени, с последним днем готового завершиться года, с его проживаемой жизнью. Металлическая дверь кунга со скрежетом отворилась, появился комбриг. Казалось, он знал, что его поджидают, слышал часть разговоров.

Его розовое выбритое лицо дышало здоровьем и свежестью.

На нем не сказались тяжелые и опасные переходы по раскисшим чеченским дорогам под угрюмыми взглядами жителей, наблюдавших движение колонн. Его черные дерзкие усики над сочными губами были щеголевато подстрижены, а в темных блестящих глазах, насмешливых и властных, было предвкушение офицерского праздника за новогодним столом. Его плотное тело, ловко и ладно затянутое в чистую проглаженную форму, наслаждалось возможностью двигаться, балансировать на шатких ступенях кунга. На морозном ветру от его влажных, гладко зачесанных волос, от тельняшки, голубевшей у незастегнутого ворота, от промытых рук и розовых ногтей веяло дорогим одеколоном. В приоткрытую дверь в освещенном пространстве кунга засеребрилось овальное зеркало, зазеленела маленькая синтетическая елочка в стеклянных игрушках.

– Здравствуйте, товарищи офицеры! – весело произнес комбриг, доброжелательно и удовлетворенно оглядывая поджидавших его соратников. Сплоченный круг знающих и уважающих друг друга людей, среди которых он занимал первое, безусловное, место.

– Разрешите поздравить, товарищ подполковник! – бодро и громогласно, улавливая настроение командира, подыгрывая ему, сказал начальник артиллерии.

– Это с чем же? – Командир приподнял густую бровь, притворно удивляясь. – Вроде бы до Нового года полсуток осталось!

– С присвоением очередного воинского звания – полковника! – зычно, как в строю, рапортовал начальник артиллерии. – И если будет добро, товарищ комбриг, мы готовы приступить к обряду обмывания звезды!

– Да вы что!.. Откуда?.. Нету приказа! – суеверно отмахивался комбриг, делано сердясь, крутя красивой причесанной головой, но пробежавшая по его румяным губам улыбка выдавала, что он уже знает о присвоении, рад, благодарен офицерам, поздравляющим его с радостной вестью.

– Я вам звездочку отдам, товарищ комбриг, – сказал особист, скашивая глаза на свой полевой погон с зеленой звездой майора. – Обмоем ее. А военторг подтянется, Лариса палатку свою откроет, вы у нее звезду купите, мне отдадите.

Все заулыбались, едва заметно перемигнулись. Это значило, что они не верят, будто бы у комбрига не припасена парочка новеньких звезд. Ожидая приказа, отправляясь в поход, он позаботился и еще в городке их купил. В военторге, где за прилавком среди насыпанных медных пуговиц, золоченых кокард, шевронов, полевых и парадных погонов стояла царственная, пышная и ленивая продавщица Лариса с влажно мерцающими глазами, белой открытой шеей и душистыми, опадающими до плеч волосами. Она постоянно чему-то улыбалась, рассеянно слушала покупателей. Все знали, что она равнодушна к комбригу. Теперь, отстав от бригады, она двигалась с тылами в фургоне военторга. Комбриг повесил в своем кунге овальное зеркало, нарядил походную елочку, подстриг усы и обрызгал себя одеколоном, ожидая с часу на час появления долгожданной тыловой колонны.

– Вы знаете, у нас в расположении развернута оперативная группа округа, – сказал комбриг, став серьезным. – Генерал вызывает нас к себе. Думаю, предстоит смотр бригады. Каждый из вас, я уверен, способен грамотно ответить на вопросы замкомандующего. Не завышайте наших показателей, не старайтесь пустить пыль в глаза. Но и не занижайте, не устраивайте стона и плача... Разведчик, я так говорю?

– Так точно, товарищ полковник! – вытянулся щеголеватый майор с лихими гусарскими усиками, похожими на две золотые запятые. Его выпуклые голубые глаза смеялись.

Все по достоинству оценили это обращение к комбригу как к состоявшемуся полковнику. Комбриг не поправил его. На его жизнелюбивом лице возникло и держалось мгновение выражение нескрываемого удовольствия.

– Товарищ комбриг, вы меня вызывали? – напомнил о себе Кудрявцев, стоящий в стороне, не соотносящий себя со старшими офицерами, приглашенными на доклад к генералу.

– Пойдешь вместе с нами, – строго сказал комбриг. – Твою роту ему покажем как наиболее благополучную. В плане боевой и политической подготовки. – Последние слова он произнес с раздражением, давая этим понять, что имеет в виду недавнее ЧП. Два прапорщика, напившись, открыли стрельбу из бэтэара, повредили крышу в чеченском селе, и возмущенные старики явились к комбригу с протестом.

– Вечером – праздничный ужин!.. Зам по тылу!.. Достать из НЗ четыре бутылки!

Он легко соскочил со ступенек кунга. Офицеры расступились, пропуская его, последовали за своим командиром. Кудрявцев, замыкая шествие, видел, как блестят начищенные ботинки комбрига и под ними проминается подмерзшая вязкая грязь.

Штабная палатка, куда вошли офицеры, была жарко натоплена. Железная печь гудела дровами, просвечивала малиновым раскаленным пятном. С потолка свисали лампы под жестяными козырьками. Под ровным слепящим светом лежала на полу огромная карта Грозного. Вокруг, едва не наступая на кварталы, микрорайоны и улицы, на красные и синие стрелы, стояли офицеры. Из соседних, разбросанных по степи частей, из сводных полков, из артиллерийских батарей, из бригады морской пехоты. Зачарованно смотрели на город, на расчленяющие его стрелы. По карте, наступая на хрустящую бумагу кожаными восточными чувяками, ходил генерал. Он был стрижен, лобаст, с упрямо сдвинутыми бровями. Тяжелые глаза строго оглядывали офицеров. Брюки с лампасами были вправлены в грубошерстные домашние носки. Инкрустированная указка, которой он водил по городскому ландшафту, кожаные, загнутые вверх тапочки, красные помочи, переброшенные поверх мундира, придавали ему сходство с генералом Ермоловым, который, как читал об этом Кудрявцев, тоже расхаживал в тапочках по карте, расстеленной подобно ковру в походном шатре. Кудрявцев вспомнил об этом, удивляясь совпадению. А потом догадался, что генерал умышленно желал походить на Ермолова. Хотел, чтобы собравшиеся обнаружили это сходство.

– Я собрал вас сюда, чтобы довести приказ министра обороны. Приказ поступил в оперативную группу вчера вечером. Мы не станем его обсуждать и сделаем все,

чтобы незамедлительно его выполнить.

Он обвел офицеров тяжелыми, глядящими из-под выпуклого лба глазами, и Кудрявцев не мог понять, была ли эта тяжесть связана с раздумьями над поступившим приказом или с тем, что его сходство с Ермоловым вызывало иронию. Именно такую, тонко сквозившую иронию Кудрявцев заметил у комбрига морской пехоты. Тот ухмыльнулся и что-то быстро сказал своему соседу – офицеру в черной форме морпеха.

– Приказ министра обороны гласит: части группировки, дислоцированной в окрестностях города Грозного, должны войти в город. Продвинуться к административному центру – Дворцу президента, к почтамту, к вокзалу, к зданиям министерств и ведомств. Встать блоками по центральной улице и, обозначив присутствие, занять оборону. Не вступать в соприкосновение с противником, давая ему возможность группами уходить из города по оставленным коридорам.

Выдавленный из города противник становится мишенью для нашей авиации и артиллерии, будет разбит и рассеян не в жилых кварталах густонаселенного города, что чревато большими разрушениями и жертвами среди мирного населения, а на открытых пространствах в сельской местности. В силу своей малочисленности и неподготовленности противник не может оказать серьезного сопротивления регулярной армии. Выступление полков и бригад намечено на сегодня, на шестнадцать ноль-ноль. Предлагаю всем выслушать разработанный в оперативной группе план вхождения в город...

Стало так тихо, что отчетливо слышались гудящая вибрация малиновой печки и хруст бумажной карты, по которой переступали островерхие чувяки генерала. Офицеры молчали, усваивали услышанное. Молчал и генерал, давая им время на то, чтобы удивление, несогласие, непонимание, ропот медленно и неуклонно превратились в готовность выполнить военный приказ.

– Теперь подробности о маршрутах. Об отдельных задачах, поставленных перед каждой частью. А также о формах и способах взаимодействия, – прервал молчание генерал, полагая, что приказ отпечатался под черепными коробками командиров. Плотно и осмысленно поместился за их лбами, на дне глазных яблок. Отпечатался на переносицах и в темных морщинах. – Порядок прохождения следующий...

Его указка, похожая на бильярдный кий, была инкрустирована костяными ромбиками и кусочками перламутра. По всей длине в красное дерево были врезаны колечки меди.

Он действовал указкой, словно готовился разбить «пирамиду», рассыпать шары по зеленому сукну бильярда. И один из этих шаров – его, Кудрявцева, рота, его, Кудрявцева, жизнь.

– Предлагаются три маршрута движения. Мотострелковой бригады. Сводного полка. И отдельно – бригады морской пехоты. Для каждой части темп продвижения таков, чтобы синхронно, к двадцати ноль-ноль, выйти на рубежи, занять оборону согласно утвержденному плану...

Кудрявцев наблюдал скольжение генеральской указки. Старался усвоить план операции. Запомнить улицы, по которым пройдут бэтээры и танки. Названия площадей и парков, где возможны засады и действия минных фугасов. Перекрестки, откуда возможны обстрел и налет. Он знал: его рота пойдет в авангарде. Ей надлежало первой выйти на привокзальную площадь, поставить блоки у перронов и складов, ждать, когда на фланг вдоль железнодорожных путей выйдут силы морпехов. Сомкнется дуга, от которой, как от сжатой пружины, начнут откатываться вооруженные группы чеченцев. Он, комроты, стоит по пояс в люке машины, смотрит на лепное здание вокзала, на перроны, на блестящую колею с отражением ночных огней.

Колея, которую он никогда не видел, и зеленоватое, с лепниной здание вокзала, где он никогда не бывал, виделись ему ясно, как на цветной фотографии. Город, удаленный, затягивал его своей гравитацией, волновал, порождал в душе сладостную тревогу, предчувствия, страхи, которые были сродни познанию. Гибкая стальная колонна развернула башенные пулеметы и пушки на две стороны, «елочкой», вела готовыми загрохотать стволами по освещенным окнам, фасадам, ночным в сиреневых кольцах фонарям. Эта сладостная тревога искупала все лишения и траты, делала привлекательной и желанной его военную профессию.

– Командиры частей и начальники штабов получают карты города с разметкой маршрутов. У вас будет время довести приказ министра обороны и план операции до командиров подразделений. – Генерал завершал сообщение. Подбросил в воздух и ловко перехватил указку ближе к толстому концу, как делают опытные бильярдисты перед тем, как нагнуться и поставить

растопыренные пальцы на зеленое сукно бильярда. – Должен добавить, завтра у министра обороны день рождения. Выполнение поставленной им задачи будет лучшим от нас подарком. А уж он, я знаю, – генерал улыбнулся, показывая крепкие желтоватые зубы, делавшие его похожим на немолодую дворовую собаку, – уж он позаботится о представлениях и наградах!.. Вопросы?

Генерал нетерпеливо крутил стриженной головой. Оглядывал командиров, артиллеристов, разведчиков, связистов, авиационных наводчиков. Не ожидая неуместных и нелепых вопросов, готовился отпустить их из натопленной палатки наружу, в сырое пространство, где горбились танки и боевые машины.

– Вопросы? – повторил он, поглядывая на столик, уставленный телефонами и рациями, возле которых дежурил связист.

Кудрявцев наблюдал офицеров и видел, как по-разному они восприняли приказ министра. Одни – и среди них комбриг морпехов – не обсуждали приказ. Озабоченные и суровые, уже думали над тем, как его исполнить. Были среди колонн, сажали под броню экипажи, заботились о том, чтобы с колоннами в город, не отставая, вошли наливники, грузовики с боеприпасами, санитарные машины и кухни. Другие – и среди них его командир, – огорченные и раздосадованные, сетовали по поводу сорванного новогоднего ужина, молча костерили генерала и министра, надумавших затаскивать в город войска в новогоднюю ночь, обрекая их на унылый ночлег в железных машинах, лишая возможности посидеть у горячих печек, в накуренном кунге за жаревом, за бутылкой, за анекдотами и песнями под гитару. Третьи, что помоложе, – такие, как начальник разведки, поведивший в разные стороны золотыми бровями усиками, – радовались нежданному броску, возможности отличиться, оказаться на виду у начальства, заслужить награды и звания. Четвертые – немногие, такие, как начальник штаба, – мучились несогласием, не решались высказать его генералу. Были готовы промолчать, унести с собой свое несогласие.

Начальник штаба смотрел на комбрига, пытался поймать его взгляд. Своим страдающим несогласным взглядом побуждал комбрига высказаться от имени офицеров бригады. Но комбриг молчал.

– Разрешите вопрос, товарищ генерал? – Начальник штаба обратился к генералу желтое худое лицо, изведенное недомоганием и бессонницей.

– Говорите! – недовольно сказал генерал, досадуя на промедление.

– Есть несколько замечаний к изложенному плану операции. – Начальник штаба жадно глотнул горячий, наполненный дымом воздух, словно готовился кинуться в воду, в плотную безвоздушную глубину, собирая для смертельного прыжка все оставшиеся силы. – Должен доложить, что в штабе бригады нет достаточной информации о противнике. О численности, вооружении, местах дислокации, способах противодействия. Бригада из-за нехватки времени была лишена возможности произвести разведку собственными силами, а из оперативной группы так и не поступили сведения, основанные на данных агентуры...

Генерал удивленно выкатил круглые, набухающие гневом глаза. Ноги в чувяках и шерстяных носках заняли устойчивую позицию, словно он готовился нанести боксерский удар в некрасивое, с утиным носом, лицо начштаба. А тот уже не желал замечать грозившей ему опасности.

– Мне кажется, продвижение бронеколонн сквозь городские кварталы без поддержки пехоты, без предварительного выставления блокпостов на маршрутах противоречит классической тактике боя в условиях города. В академиях нас учили использовать опыт последних войн. Есть опасность подставить технику и личный состав под удары гранатометов и снайперов...

Офицеры, уже готовые разойтись, унести с собой неожиданный, наполненный нелепостями и противоречиями план операции, чтобы на свой страх и риск приступить к его выполнению, заполняя пробелы и бреши своим опытом, умением и трудолюбием солдат, надеждой на военную удачу, – офицеры зашептались, затоптались, закрутили головами, поддерживая отважного начштаба, рискнувшего, как неблагоприятный самоубийца, возразить приказу министра.

– К тому же отставание тыловых частей и связанная с этим нехватка горючего и боеприпасов могут привести к осложнениям в ходе боевых действий. Неукомплектованность подразделений, неслаженность сводных полков, слабая подготовка личного состава, в основном первого года службы, могут привести к большим потерям в таких сложных условиях боя, как большой город...

Генерал багровел на глазах, словно на него навели красный фонарь. Щеки его становились пунцовыми, как раскаленная стенка печки. Он чувствовал

настроение офицеров, осмелевших после выступления начштаба, готовых забросать начальника градом вопросов, замечаний, сомнений. Багровея, он стискивал белым костяным кулаком инкрустированный кий.

– В силу сказанного, – завершал выступление начштаба, глядя не в лицо генералу, а на его восточные чувяки, попиравшие карту города, – кажется целесообразным перенести на неделю сроки вхождения в город. Провести интенсивную разведку по маршрутам движения. Составить подробные карты-схемы с указанием для каждого блокпоста его места, название улицы, номер дома. Совершить привязку артиллерийских целей на перекрестках и крупных объектах, которые противник может использовать в качестве опорных пунктов. Время отсрочки употребить для ускоренного слаживания, подготовки личного состава подразделений... У меня все, товарищ генерал...

Он умолк, изумляясь своей смелости. На мгновение вокруг него образовалась пустота, как вокруг упавшего в воду камня. В эту выдавленную пустоту через секунду должны были хлынуть раздражительность и нетерпение офицеров. И, упреждая их, генерал шагнул к начштаба, с хрустом давя чувяками карту города, наступая подошвами на президентский дворец, на центральную улицу, на здание вокзала под фиолетовыми зимними фонарями, на стальную черно-белую колею, отражавшую ледяные огни.

– Кто вы такой, что беретесь обсуждать приказ министра обороны! – Генерал повысил голос, почти кричал, придавая своему голосу нарочитый клекот и хрип. – Вы рассуждаете, как самоучка, допущенный до полковых учений! Знаете ли вы, что план разработан в Главном оперативном управлении с учетом данных космической и агентурной разведки?! Полностью согласован с политическим руководством страны!.. Его дорабатывали в штабе округа!.. Он доведен до вас после того, как над ним работали десятки лучших штабистов!..

Генерал утвердился в своем превосходстве. Видел, как съежился начальник штаба, вжал узкую голову в плечи. На его желтоватом, изможденном лице появились белые, смертельные пятна.

– Операция носит бескровный, чисто демонстративный характер, – продолжал генерал. – Она не потребует от вас широкомасштабных уличных боев, как в Берлине в сорок пятом году... По оперативным данным, противник уже покидает город, просачивается из него малыми группами. Надо только поднажать, понаделать побольше шума, погреть броней, и он откатится назад. Чеченцы –

это все сплошь бандиты и воры, способные грабить поезда и магазинные кассы. Они разбегутся при виде скопления техники. Поэтому, повторяю, план предполагает продвижение сплошными колоннами, размещение на открытых участках города!

Генерал, крупный, сильный, багровый, чувствовал свое моральное и физическое превосходство над чахлым и болезненным начштаба. Согнул его, продолжал сгибать и ломать, а вместе с ним и молчащих, отступивших офицеров, отдававших на генеральскую расправу незадачливого товарища. Кудрявцев чувствовал их муку, малодушие, неспособность поддержать одиночку. Комбриг отводил глаза, не желал встречаться ими с генералом, начальником штаба и с ним, Кудрявцевым, искавшим командирский взгляд.

- Может быть, вы просто боитесь? - издевался генерал. - Может быть, вам просто не хочется отрывать зад от теплой печи? Может, вы предпочитаете поддать в новогоднюю ночь? У нас в последние годы развелись офицеры, привыкшие к тыловым харчам и боящиеся боевых как черт ладана... Если вы трус, пишите рапорт, я отстраню вас от операции! Товарищи пойдут без вас, а с вами мы потом разберемся отдельно!

Кудрявцев видел, как оскорблен начальник штаба. Как трусливо молчит комбриг. Как сникли подавленные офицеры. Испытывал стыд, отвращение к генералу, презрение к комбригу. Был готов выступить из-за спины офицеров и бросить в лицо обидчика яростные, безумные слова. Но громко, особым звоном заверещал телефон, связист поспешно схватил трубку и доложил:

- На связи Первый, товарищ генерал!

Генерал изменился в лице, согнал с него властное, беспощадное выражение, обретая другое - предупредительное и почтительное. Крепко сжал трубку.

- Слушаю вас, товарищ министр!.. Так точно, товарищ министр!.. Приказ доведен до войск, товарищ министр!.. Отношение боевое, бодрое, товарищ министр!.. А куда нам деваться - только вперед!.. Поздравляю вас с днем рождения и с наступающим Новым годом!.. Будем рады вас видеть в Грозном и, как говорится, чокнуться с вами в президентском дворце!.. Спасибо!.. Спасибо за все!.. Все будет выполнено, товарищ министр!..

Кудрявцев слышал разговор. Представлял московское беломраморное здание министерства, огромный кабинет с портретами царей, полководцев, огромный глобус, перед батареей цветных телефонов – праздничный, энергичный, с веселыми глазами десантника министр. Выставил погон с золотой звездой. Посылает им боевой привет в чеченские холмы и предгорья.

Генерал с сочным чавканьем положил телефонную трубку. Еще мгновение сохранял на обветренном пунцовом лице торжественное выражение.

– Совещание окончено, товарищи офицеры!.. Готовьте войска к выступлению. В ноль часов я лично прибуду в город, проверю выполнение приказа, поздравлю командиров и личный состав с Новым годом!..

Отвернулся, пошел в глубь палатки, пересекая хрустящую карту. Офицеры выходили на воздух, молча, угрюмо расходились. Кудрявцев видел, как комбриг нервно тербит на ходу свой подстриженный ус, как сутуло, по-стариковски, шагает в стороне начштаба. Ему было неловко за своих командиров. Он отстал от них, чтоб не слышать неуместные, неловкие шутки разведчика.

Глава вторая

Штабная палатка бригады – брезентовый шатер все с той же железной печкой. Солдат, озаряя худое лицо и кончики цепких пальцев, подбрасывает сосновые чурки. Комбриг ставит задачу командирам батальонов и рот. Молодые офицеры в серо-зеленой форме с блеклыми полевыми погонами, на которых едва различимы майорские и капитанские звезды, восприняли приказ с оживлением. Шумно обсуждали задачу, толкались локтями, заглядывая в карту, тыкали пальцами в нанесенный пунктир маршрута, записывали радиочастоты и позывные, уточняли ширину проходов и улиц, возможность быстрой доставки горючего, снарядов, санитарных машин.

Подшучивали друг над другом.

– Товарищ майор, вам сто грамм не успели налить. Теперь целый год ждать!

– Ты говорил, не будет шампанского! Теперь будет. Войдем в город, в первом же магазине возьмем!

– Климук, ты все о женщинах бредил! Считай, тебе повезло. В новогоднюю дискотеку завалимся!

– Кудрявцев, ты, как всегда, в голове колонны! Передавай по рации, где какие рестораны открыты. Пусть нам в привокзальном ресторанчике новогодний столик накроют!

Кудрявцев почти забыл безобразную сцену в оперативной группе. Как и все, был оживлен, озабочен. Его душа, ум и воля обретали осмысленную близкую цель. Ради этой цели он терпел лишения, занимался рутинной работой, трясся по жидким дорогам, ударяясь грудью о кромку стального люка, чертыхался, когда глох двигатель и приходилось брать застрявшую машину на трос. Впереди ожидал его город, огромный, живой, населенный множеством неведомых жизней, часть которых страшилась и не желала его появления, а другая – нетерпеливо ждала. Он войдет в этот разворошенный, взбудораженный город, распавшийся на враждующие куски. Стянет его воедино железными скрепами. Восстановит мир и порядок. Город сулил непредсказуемое, желанное будущее, в котором он проявит свою отвагу, удачливость, героизм.

Начштаба, все еще измятый и потрясенный, понемногу отходил от нанесенного ему оскорбления. Втолковывал молодым офицерам тонкости предстоящей задачи:

– Держите технику ближе к фасадам, ясно?.. Не закупоривайте проезжую часть, чтоб могло подойти подкрепление, ясно?.. Десант – на броню!.. Чуть что – по гранатометчикам всю огневую мощь!

Комбриг чувствовал вину перед начальником штаба. Переживал свое малодушие. Вторил ему:

– Не думайте, что вам предстоит прогулка!.. О противнике нет серьезных и проверенных разведданных!.. Бои в условиях крупного города – этому вас не учили!.. К тому же город наш, российский, в нем проживают граждане России!.. Помните, каждый выстрел, который вы произведете, будет направлен в граждан России!..

Офицеры слушали, кивали, не верили ни в какие выстрелы. Желали поскорее выбраться из скучной промозглой степи, оказаться в городе. Они уже усвоили задачу и теперь торопились в свои батальоны и роты готовить людей к выступлению.

Рота Кудрявцева была встроена в общее защитное каре бригады своими окопами, капонирами, боевыми машинами пехоты, брезентовыми палатками, солдатскими нужниками, цистернами питьевой воды, коптящими кухнями, часовыми, невидимой паутиной минных растяжек, грудами пустых консервных банок – всей массой железа, взрывчатки, перепаханной рыжей земли, человеческой плоти, источавшей в холодный воздух прозрачную дымку жизни. Серый бурьян был срезан саперными лопатками, открывая сектор обстрела. Темнела свежая, непромерзшая рытвина капонира.

Боевая машина погрузила в ямину свое пятнистое компактное тело, направила пушку в степь. Вокруг машины на зарядных ящиках, на досках, на брезентовых плащ-палатках сидели солдаты. Раздавался хохот и свист.

На корме бээмпэ, укрепленная в крестовине, стояла ветка сосны. Вместо елочных игрушек ее украшали цветные обертки сигарет, фольга, начищенные крышки консервных банок. На вершине красовалась яркая латунная гильза от пушечного снаряда. Перед наряженной веткой на броне притоптывали, присвистывали Дед Мороз и Снегурочка. Два ряженых солдата балагурили и забавляли солдат. Дед Мороз был голый по пояс, ходили ходуном его накачанные мышцы, блестел на запястье толстый, из желтого металла, браслет. На голове торчала грязная чеченская папаха. Нижняя часть лица была занавешена растрепанной тряпкой. Дед Мороз качал бедрами, вздувал бицепс, обнимал Снегурочку за талию. Снегурочка тоже была голой по пояс. На груди ее красовался самодельный, набитый тряпками лифчик. От впалого живота с грязным пупком ниспадала короткая юбка, из-под которой выглядывали кривые волосатые ноги. От пупка вверх под лифчик уходила синяя змея татуировки. Они терлись боками, хватали друг друга за грудь и за бедра, целовались, выкрикивали какие-то нестройные куплеты. Солдаты заливались, хохотали, били ложками в котелки, свистели, кидали в танцующих щепки, комочки земли, скомканные газеты.

Кудрявцев подходил, набрав в легкие холодный воздух, готовился выдохнуть его командирским рыком. Прервать хохот и свист, скомкать наивное солдатское

веселье, направить людей в работу, в торопливые сборы. Усадить их за прицелы, штурвалы, в десантные отсеки. Он приближался, но необъяснимо медлил, не мог найти подходящей секунды, верного шага и ритма. Не желал прерывать солдатский праздник, нестройный гогот и смех.

– Товарищ капитан!.. – вскочил ему навстречу командир взвода, юный розовощекий лейтенант с нежным фарфоровым лицом, сияющий прозрачно-голубыми глазами, которые делали его похожим на купидона. Кудрявцев видел такого, пухлого, свежего, с крылышками, с венком из роз, нарисованного на потолке старинной усадьбы. В руках лейтенанта были не розы, а кружка горячего чая. Ногти были грязные, на голову, прикрывая белокурые волосы, был напялен мятый зеленый «чепчик». Но все равно в нем оставалось много млечной юной свежести, сохранившейся среди холодных ветров, ночлегов на броне, грубости походного быта. – Второй взвод в составе...

– Отставить! – прервал его Кудрявцев, видя, как обернулись солдаты, разочарованные его появлением. Дед Мороз и Снегурочка неохотно расплетали свои объятия. – Продолжайте!

Он не понимал, почему не решился остановить их веселье. Лейтенант усадил его на зарядный ящик, стряхнув комочки земли. Солдаты снова повернули лица к елке, к ряженым, а те опять принялись кривляться, лбызаться, тискать друг друга, желая понравиться подошедшему командиру.

Дед Мороз надул бицепс с голубой веной, блестел золотым браслетом. Схватил Снегурочку за тряпочные груди, затанцевал перед ней, выкрикивая частушку, пяля на солдат выпученные белки. Крутил в грязной, изображавшей бороду тряпке красным, по-собачьи влажным языком.

С маленькой Снегурочкой

Мы играли в жмурочки!

Завалил под елочкой.

Засадил иголочку!

Ох ты, ох ты!

Он шлепал по броне башмаками, двигая непристойно животом, прикладывал оттопыренный палец к паху. Солдаты вокруг улюлюкали, хватали себя за бока. Молоденький лейтенант-херувимчик гоготал вместе со всеми. Кудрявцеву было неприятно слышать эту расхристанную, блатным голосом пропетую частушку.

Неприятен вид лейтенанта, неотличимого от солдат своим вульгарным свистом. В этой неотличимости таилась ненадежность, угадывался дух тления. Войска, набранные наспех, с миру по нитке, по разным гарнизонам, не успели превратиться в слаженные, проверенные в учениях боевые единицы.

Снегурочка мельтешила кривыми волосатыми ногами, обмахивалась вместо платочка рваным куском газеты, отвечала партнеру:

Командир у нас красивый,

Как цветочек аленький.

Посылает всех нас на «х»,

У него он маленький!

Ох ты, ух ты!

Все гоготали, оглядываясь на румяного лейтенанта. Тот покраснел, не зная, как реагировать на дерзость. Решил не подавать виду, что оскорблен. Смеялся вместе со всеми, красный от обиды.

И это неприятно поразило Кудрявцева – разнузданность и наглость контрактников, залетевших в бригаду бог весть из каких бараков и вытрезвителей. Взводный был слаб и неопытен, не умел поставить наглецов на место.

Дед Мороз отскочил от Снегурочки, едва не опрокинув елку с начищенной гильзой. Пустился вприсядку, громыхая по корме, и все тем же приблатненным надрывным голосом пропел:

Подошел ко мне чечен,

Показал метровый член.

Взял со склада я тротил

И его укоротил!

Ух ты, ох ты!

Он вытанцовывал, держа над головой руку с браслетом, а Снегурочка, виляя бедрами, дергала впалым животом, на котором среди пупырышков и царапин извивалась синяя наколотая змея.

Все дружно гоготали, били, кто ложкой в котелок, кто гаечным ключом в гусеничный тракт. Один, босой, ноги в расшнурованных ботинках, сделал из газеты хлопушку, надул, громко хлопнул, кинул разорванную газету в танцующих.

Кудрявцев усмехнулся, поймал себя на том, что ему нравится грубая частушка. Он, подобно солдатам, ожесточен против этих ржавых, посыпанных инеем холмов, из-за которых нет-нет да и прилетит одинокая свистящая пуля. Ожесточен против краснокирпичных богатых чеченских сел с железными зелеными воротами и островерхими мечетями, у которых стоят молчаливые суровые люди в папахах и плосковерхих кожаных кепках. Но, поймав в себе это ожесточение, он тут же его прогнал. Город, в который им предстояло войти, был населен чеченцами, татарами, русскими. Их общее неразделимое дыхание, общая нерасчленимая жизнь окутывали туманом далекие кварталы, заводские трубы, ажурные вышки электропередачи.

Снегурочка не нашла подходящей частушки, пропустила свою очередь. Только повизгивала, побрыкивала, непристойно подставляла Деду Морозу худосочный, прикрытый тряпицей зад. Дед Мороз хлопнул ее по заду, запел:

Я весь день копал сортир,

Потому что не банкир.

Приезжайте к нам, банкиры,

На открытие сортира.

Все валились от восторга набок, свистели в два пальца. Лейтенант-херувимчик забыл обиду, поднял вверх большой палец, поощряя артистов. И опять

Кудрявцев поймал себя на том, что ему нравится грубая частушка, он, как и все, испытывает неприязнь к таинственным недоступным банкирам, которые сидят, затаившись, в своих особняках и стеклянных башнях, послав войска в эту зимнюю степь, снабдив в дорогу несвежей тушенкой, латаными палатками, тощими, брошенными на днища машин матрасами. Он не видел живым ни одного банкира. Среди его друзей и знакомых не было работников банков. Но он, как и многие офицеры, испытывал устойчивую нелюбовь к неведомому, недавно народившемуся племени, с которым связывалось множество неурядиц и бед.

– А теперь Дедушка Мороз будет дарить нам подарки! – закричала Снегурочка. Кудрявцев увидел, как из открытого щербатого рта вырвалось облако горячего пара. – Дедушка Мороз, что ты нам принес?

Тот заколыхал тряпичной бородой, неуклюже наклонился над люком. Сунулся в глубину машины и извлек на броню картонную коробку из-под пива. Достал из коробки подарок – начищенный красно-желтый автоматный патрон. Держал двумя пальцами, поворачивал во все стороны, показывал солдатам, словно это был бриллиант.

– Подходи по одному, пока не передумал!

Солдаты вскакивали, тянулись за подношением. Дед Мороз наклонялся с брони, наделял их подарком. Они возвращались на свои места, довольные, веселые. Рассматривали на ладонях продолговатый, с острой пулей патрон, на котором аккуратно, черной краской были начертаны цифры 1995.

Кудрявцев испытывал неясное, похожее на суеверие волнение, глядя, как солдаты, повинувшись неведомой, толкавшей их воле, протягивают худые, перепачканные землей и машинной смазкой руки, принимают в дар пулю.

Дед Мороз, язвительный и насмешливый, наделял каждого пулей, словно приобщал к чему-то неизбежному. Награждал тем единственным и доступным, что было им всем уготовано в зимней чеченской степи.

– Товарищ капитан, и вы возьмите! – Комвзвода счастливо улыбался свежими пунцовыми губами, держал на ладони свой маленький литой сувенир. – Здесь всем хватит!

Кудрявцев колебался. Боролся с предчувствием, одолевал суеверие.

Подошел к боевой машине. Дед Мороз, шутовски ухмыляясь и подмигивая, протянул к нему руку с золотым браслетом. Кинул ему в ладонь тяжелый, как желудь, патрон с аккуратными черными цифрами.

– С Новым годом, товарищ капитан!.. Сохраните подарок!.. В старости вспомните!.. – И он засмеялся, и вместе с паром долетел до Кудрявцева дурной запах перегара.

– Товарищ капитан, разрешите продолжить концерт! – обратился к нему лейтенант, наивно веря в то, что угодил командиру. – Еще много отличных номеров!

Кудрявцев смотрел на патрон, на кривую сосновую ветку, украшенную папиросной фольгой, и время, в котором он проживал, как вода, утекало в маленькую крутящуюся воронку.

Он пронырнул сквозь этот крохотный вихрь обратно, в исчезнувшее время, в другой Новый год.

Их школа, построенная из сухого теплого бруса. Малый залец с портретами писателей и ученых. Горячая кафельная печь. Доставаая до смуглого деревянного потолка сверкающей стеклянной вершиной, упираясь в нее хрупким золотым острием, – елка, свежая, маслянистая, оттаявшая, в струйках серебряных нитей. В горячем сумраке среди музыки, мелькания лиц, треска хлопушек, фонтанчиков конфетти он танцует вальс. С учительницей, молодой и прелестной женщиной, которую обожал, ловил ее взгляды, запах духов, наклонялся над следами ее сапожков, отпечатанных на белом снегу, целовал поставленные в тетрадку отметки. Теперь, на новогоднем балу, он танцует с ней. Ловит ее близкое дыхание, обнимает рукой ее талию, чувствует, как сквозь платье движется ее гибкое тело. В кружении, почти теряя сознание, падая, видя в падении серебряную на елке игрушку, он прижался к ее груди, испытал сладостный слепящий удар, огненную бенгальскую вспышку. Видел ее смеющиеся, зеленые, отразившие елку глаза.

Очнулся – боевая машина пехоты, сосновая ветка в фольге, на ладони – латунный патрон.

– Товарищ капитан, разрешите продолжить концерт! – Лейтенант смотрел на него с обожанием.

Кудрявцев набрал глубоко холодный воздух степи. Повернулся к солдатам. Выдохнул вместе с горячей струей злой командирский окрик. Оборвал их веселье и праздник:

– Отставить концерт!.. Взвод!..

И уже неслась от машины к машине, от капонира к капониру, от одного десантного отсека к другому грозная бодрая весть. Начинили реветь моторы, фыркали кудрявые голубые дымки. Машины дергались в рывках, медленно, крутя гусеницами, вышвыривая комья земли, выползали из капониров. И повсюду среди грузовиков, фургонов и танков бежали, торопились, кричали молодые возбужденные люди. Кудрявцев шагал, побуждая своими командами и окриками действовать их энергичней и слаженней.

Он заглянул за фургоны походной пекарни, где стояли полевые кухни: валялись расщепленные доски, искрились не успевшие заржаветь опустошенные консервные банки. Увидел трех прапорщиков – стояли перед березовой плахой, на которой поблескивала початая бутылка водки. Один подносил к губам налитый стакан, а двое других жевали, держа ломти намазанного тушенкой хлеба. На стенке фургона, подвешенная за ноги, свисала полуободранная телячья туша с перламутровыми сухожилиями и золотистой приспущенной шкуркой. Под ней черно и липко, не впитываясь в мокрую землю, скопилась кровь. Между обвислых, с темными копытцами ног виднелся обрубок шеи с сахарно-розовым позвонком. На земле лежала отрезанная телячья голова с шершавым розовым носом, бархатными ушами, с туманно-голубыми в белесых ресницах глазами. Губы были приоткрыты, и в них, стиснутый зубами, виднелся кончик языка. Голова смотрела далеко, сквозь фургоны, кухонные котлы, груды консервных банок, в сумеречную степь, где угадывался размытый город.

– Что у вас? – спросил Кудрявцев, отступая от черной, как нефть, лужи крови.

– Да вот, бычка забили, – лениво ответил один из прапорщиков, обнажая желтые зубы и продолжая жевать. – Зам по тылу нацелил на ужин, а тут, вишь, выступаем! Ну и решили забить, с собой в город взять. Там и сварим. А то здесь пропадет, солдаты сожрут!

– А там раз-раз, порубим, кусками в котлы покидаем, в городе сварим, – добавил тот, что только что выпил водку. Морщился, сопел, отламывая кусок горбушки. – Еще и холодец получится!

Голова теленка, растопыбив замшевые золотистые уши, смотрела отрешенно вдаль и кого-то напоминала Кудрявцеву. Кого-то очень знакомого и живого. Но он не мог понять кого. Вид этой мертвой, печально глядящей головы, теплой, окутанной влажным паром туши, прижатой к железной бортовине фургона, щемяще поразил Кудрявцева. Он все старался вспомнить, кого напоминает ему отсеченная, поставленная на позвонки голова.

– Может, выпьете с нами, товарищ капитан? – предложил прапорщик, указывая горбушкой на початую бутылку и нечистый мокрый стакан. – Для сугреву!

– Нет, – ответил Кудрявцев и пошел, чувствуя, как смотрят ему вслед наглые прапорщики. Все не мог понять, кого напоминает ему отрубленная голова бычка.

Глава третья

Бригада угрюмо шевелилась, дышала и хлюпала, напрягая огромное стальное тулово. Проснулась, сердито и недовольно стряхивала с себя землю и сор. Бугрила загревок, горбила спину, выползала из берлоги на свет. И на этом холодном свете начинали тускло светиться взбухшие мышцы, мерцали глазницы, скребли землю металлические острые когти. И там, где недавно дремало, покоилось невидимое существо, – там открылась парная черная рывина, отпечаток огромного тела, сырая потная лежка, откуда поднялся и пошел на кривых могучих лапах растревоженный зверь.

Кудрявцев стоял в люке боевой машины пехоты, сжимал тангенту, посылая команды командирам взводов. Направлял машины к ближнему тракту. Уклонялся от движения выруливающих встречных машин, увертывался от неуклюжих танков, встраивался в общую, медленно собираемую колонну, в которую криками, матом на батальонных радиочастотах вгонялись взводы и роты, машины связи, грузовики со снарядами, цистерны с водой, подвижные зенитно-ракетные комплексы. Регулировщики, забрызганные грязью, задыхаясь

от едкой, бившей в лицо гари, отмахивались жезлами от наезжавших танков. Как злые погонщики, криками, взмахами палок направляли тупое, неповоротливое стадо в одну сторону – к черному земляному тракту, в который проваливалась, оседала, продавливала землю, выстраивалась маршевая колонна.

Рядом в люке, отделенный от Кудрявцева стволом пушки, стоял взводный. Его нежно пламенеющее лицо, стиснутое грязным танковым шлемом, алело на ветру, как бутон шиповника. Он наклонялся в люк, что-то сердито и грубо кричал механику-водителю. Но, выглядывая наружу, озирая огромное, наполненное дымами, блеском и шевелением пространство, восторженно сиял глазами, приоткрывал пунцовые губы. Было видно, что он ликует, ощущая свою малую отдельную жизнь встроенной в могучее движение армады, где каждый, кто к ней приобщался, становился непобедимым, всеильным.

Бригада медленно выстраивалась. Осторожно щупала землю. Ставила и убирала с нее многотонные лапищи. Вытягивалась по степи среди серых холмов. Громоздила по вершинам чешуйчатую разбухшую плоть. Спускала в долину глазастую, с бронированным лбищем голову. Хвост ее вяло извивался среди рытвин и капониров, брошенных нужников и свалок, а голова, напряженная, осмысленная, укрепленная на тугой набрякшей шее, устремлялась вперед к невидимой, но уже желанной цели.

Кудрявцев поместился в голове колонны перед взводом тяжелых танков, кидавших ему навстречу брикеты грязи.

В черной гуще сверкала сталь гусениц. Краснели хвостовые огни танков, в эфире звучали позывные и коды, сквозь хрипы и свист он узнавал голоса комбата, ротных, редкие прерывистые команды комбрига и начальника штаба, которые по мере того, как выстраивалась колонна, становились спокойней и сдержанней, вплетались в надсадный рокот и лязг, сотрясавший степь.

Они спустились с холмов в низину. Среди пустых заиндевевших выпасов, темно-зеленых полей, безлистных серых садов тянулось село. Плоское, с отсветами железных кровель, с хрупким веретеном мечети, розоватыми туманными домами. Кудрявцев всматривался в село, пытался обнаружить приметы жизни – скотину, человека, повозку. Но село казалось ракушкой, захлопнувшей свои створки в минуту опасности.

– Притаились чечены! – перекрывая лязг и хрип моторов, крикнул взводный, хватаясь за влажную, в изморози, пушку. Указывал на село выпуклыми сияющими глазами, радовался могучему движению техники, огибавшей околицу.

Над селом, прорезая туман белой струйкой, взлетела ракета. Повисла на согнутом стебле, мерцая в млечном облачке. Сносимая к мечети, качалась, опускалась и гасла, оставляя блеклый исчезающий завиток. Ее бесшумное одинокое появление и медленное печальное исчезновение породили тревогу. Кудрявцев вглядывался в очертания села, в пустые вытопанные выгоны, в мягкие размытые очертания окрестных холмов, ожидая увидеть источник тревоги. Но его не было. Ракета возвестила кого-то о том, что мимо села движется он, Кудрявцев, в танковом шлеме, в бушлате, с автоматом на брезентовом ремне, упираясь в спинку сиденья, на котором уместился стрелок. Ловит в голубую оптику слюдяное мерцание крыш, железные ворота, кирпичные стены мечети. Эта весть вознеслась розовым облаком, полетела, сносимая ветром в туманную степь. И кто-то невидимый за арыками, безлистыми садами, размытыми далями принял сигнал. Узнал о движении лязгающей дымной колонны.

– Сигналят! – Взводный, минуту назад радостно возбужденный и легкомысленный, теперь настороженно, вопрошающе смотрел на Кудрявцева, словно ожидал от него подтверждения своей тревоги. Потянулся вниз, в люк. Достал автомат. Перекинул ремень через шею, стволом к селу, уплывавшему за рыжий бугор.

Бригада качалась в холмах, раздвигая их стальными боками. Проныривала распадки. Взлетала на округлые вершины и с них оглядывала волнистую степь. Колонна то растягивалась, разрывалась, голова ее уходила вперед, но потом, пульсируя по-змеиному, она снова сжималась, ползла, огибая холмы. Если одна из машин глохла, вся колонна замирала, упираясь в заглохшую машину. Тягач брал ее на трос, дергая, вырывал из грязи, оттаскивал в сторону, и опять громада колонны, лязгая и гремя, продолжала движение, догоняла оторвавшуюся голову.

Кудрявцев видел перед собой копну гари, рубиновые хвостовые огни танка, его тяжелую, обращенную к холмам пушку. Орудия боевых машин и танков были развернуты в разные стороны к вершинам бугров. Глаза стрелков, командиров машин шарили по мягким размытым кромкам, ожидая пулеметной вспышки, белой, как электрозамыкание, искры, чтобы грохнуть по ней всей мощью

наведенных стволов.

Город приближался, на дальних подступах высылал навстречу своих гонцов. Высоковольтные линии навешивали над колонной свои медные жилы, охватывали машины плетением металлических вышек. Попадались брошенные, без окон и дверей, строения, словно выгоревшие изнутри. Ржавые пути с окисленными, торчащими среди бурьяна цистернами казались упавшими с неба. И огромная свалка с зеленоватыми испарениями, чешуйчатая, усыпанная колючим металлом, мокрой гнилью, рыхлыми комьями пережеванного городом бесформенного вещества встретила колонну гарью, зловонием, поднявшимся граем ворон.

Они взлетали вяло, в разных углах свалки, ленивыми стаями, каждая из которых задевала землю и спугивала другую стаю. И все они, крича, заглушая моторы, сливаясь в черное мелькание, наполняли небо растопыренными черными крыльями, наклоненными головами, опущенными когтистыми лапами. Затмевали свет, кружили над колонной свою скрипучую карусель, пикировали, наставляли раскрытые злые клювы, маленькие яростные глаза. Стальные машины, пулеметы, орудия залипли в этом вязком, орущем и хлопающем облаке. Вороны не пускали колонну, посыпали ее сверху сором, пометом, черными лохматыми перьями.

Лейтенант-херувимчик пригнулся в люке, вобрал голову, словно ожидал удара отточенного клюва, выставил вверх автоматный ствол. Кудрявцев отворачивался от свалки, от ядовитых дымов, от зловония, летящего с земли и неба. Увидел, как падает на машину черная, с растопыренными перьями птица. Из нее вылетела упругая струя, разбилась о машину, брызнула ему на лицо теплую каплю.

Он брезгливо отерся, заслоняясь локтем. Наклонил голову, словно проезжал под низким опасным сводом. Свалка оставалась позади, утихала, опадала. Птицы отставали, усаживались на теплую гниль, грелись в ней, клевали истлевшее, выброшенное из города вещество.

Когда вплотную приблизились к городу, въехали на бетонку, пошел снег. Там, где только что было черное, усеянное птицами дырчатое драное небо, теперь дышала мягкая сеющая белизна. Снег падал густо, ровно. Остужал лица благоухающей прохладой. Щекотал брови и щеки. Таял на губах. Сыпал на броню, на дорогу. Окружал рубиновые хвостовые огни танков.

Снег был внезапен, обилен. Закрывал все вокруг, словно был ниспослан чьим-то велением. Казалось, на трассу, на близкий город был наброшен покров, занавешивал, не пускал. Слепил глаза механиков-водителей, забивал горячие решетки моторов, заклеивал триплексы и прицелы, закупоривал стволы пушек.

Кудрявцев оказался среди невесомой воздушной белизны и почти испугался этого знаменья небес. Ему на голову просыпалось множество хрупких частичек, которые о чем-то умоляли его, исчезали, гибли бессчетно под стальными гусеницами.

Природа, окружавшая боевую колонну, о чем-то вещала, говорила с людьми на невнятном языке. Люди не понимали ее. Давили на педали, сжимали оружие, сквернословили, переговаривались в эфире хриплыми голосами. Бригада, включив прожектора, натянув трансмиссии и карданные валы, пробиралась сквозь снегопад, оставляя на белой земле черный липкий след.

Кудрявцев чувствовал таинственность этого внезапного снегопада. Старался разгадать таившуюся в нем весть. Подставлял снегу ладонь, ловил губами снежинки, смотрел вверх на бесчисленное, прилетавшее из неба сонмище.

Тот давний, из детства, снегопад, накрывший их городок белым влажным одеянием. На мокрую землю, на палисадник, на черную воду реки, на заборы, на мертвые остья подсолнухов, на розовые вялые астры, на подгнившую скамейку, на забытый материнский платок вдруг стал падать снег. Густой, влажный, сладко пахнувший, словно прилетел из благоухающего небесного сада. Он стоял в палисаднике изумленно-счастливый, один, в непроглядной белизне, отделявшей его от всего остального мира. Этот опадающий чистый холод, чудесная невесомая материя была для него, во имя него. Дарила ему безымянное драгоценное чудо, которое делало его непохожим на всех. Ему одному сообщала бесшумную бессловесную весть о чем-то небесном и чудном. Он испытал вдруг такое волнение, такое детское умиление и нежность, что опустился на колени и, сокрытый от глаз, прижался лицом к земле, прожигая снег до мокрой вялой травы. На земле, на стеблях – отпечаток его лица. Щеки горят. На ресницах – холодные капли. В снегопаде – куст шиповника с красными твердыми ягодами.

Кудрявцев смотрел с брони, как туманятся рубиновые хвостовые огни переднего танка и на вороненом стволе автомата тают снежинки.

Колонна втянулась в пригород, в бараки, заводские корпуса, в нагромождение заборов и складов. Снег перестал, сгустились синие сумерки, в которые превратился исчезнувший снегопад. В этих сумерках над железнодорожными путями, над мазутными цистернами, над башней элеватора горел на мачте высокий лучистый огонь, словно спустилась с неба жестокая звезда.

Команды по радиации звучали чаще и злей. Колонну ровняли, сжимали, устанавливали интервалы. Поворачивали пулеметы и пушки к полутемным строениям. Солдаты вылезали из люков, пристраивались на броне возле башен и пушек, с любопытством смотрели на город. Кудрявцев, сжимая тангенту, сгонял их с брони, заталкивал в тесную глубину под защиту стальных оболочек.

Они проезжали сумрачное полуразрушенное здание с огромной лысой стеной, на которую был направлен водянисто-белый луч прожектора. В этом луче виднелся выложенный кирпичом закопченный лозунг «Мы строим коммунизм!», а под ним были изображены мужчина и женщина, держащие в поднятых руках искусственный спутник, похожий на ежа. Их вид вызвал у Кудрявцева странное переживание, будто колонна их заблудилась, по неверным картам попала в другое, израсходованное и сгоревшее время, и коготь этого времени лежит на лозунге, на бронемашине, на лице взводного, и он, Кудрявцев, в легкой окалине сгоревшего времени.

Это чувство тоски и больной тревоги посетило его и кончилось, когда колонна вошла в город.

Стемнело, но улицы были ярко освещены. Горели фонари, окна домов, просторные витрины, неоновые вывески. Свежий снег нарядно блестел. На нем виднелась черная колея недавно пролетевшей машины. Отпечатки следов черным веером разбегались по подъездам и подворотням. Но люди и машины отсутствовали. Улицы были пусты. В озаренных витринах красовались товары, пламенели рекламы, мигали светофоры. В окнах разноцветно дрожали новогодние елочки. Но не было прохожих, не было стоящих у окон жильцов. Снег под фонарями нетронуто белел, и приходила в голову тревожная мысль: люди превращены в невидимок, незримо присутствуют на улицах, оставляют следы, смотрят из окон на проходящие войска, но их не разглядеть сквозь прицелы и триплексы, не различить сквозь приборы ночного видения.

– Повымирали все или что? – тревожно озирался взводный, засматриваясь на проплывавшие и такие заманчивые после дикой степи надписи: «Ресторан», «Магазин», «Кино».

Они двигались теперь по длинной центральной улице с большими нарядными домами, вдоль нарядных лепных фасадов, арок и колоннад. В стороне на открытом пространстве мелькнули река с черно-блестящей водой, посыпанный снегом мост, набережная, озаренная фонарями, каждый из которых был окружен прозрачным голубоватым пламенем, отражался в воде золотым мазком. На мосту не было ни людей, ни машин, только тонкий черный след шального автомобиля, сделавшего надрез на снегу.

В сквозных деревьях парка, парадные, приготовленные к празднеству, виднелись карусели – кони, верблюды, космические корабли, разукрашенные повозки и санки. И казалось, если подойти к каруселям, заглянуть в подвешенную коляску, то увидишь оброненную ленточку или фантик от конфетки.

Это безлюдье казалось неправдоподобным. В любой момент могло превратиться в шумные толпы, праздничное ликование. Или во что-то иное, непредсказуемое и ужасное.

– Головные, снизить скорость!.. Не отрывайтесь, голова, от колонны!.. Замыкание, какого хрена отстали!.. Подтянись, замыкание!.. – звучал в эфире колючий, в электрических разрядах, голос комбрига.

Передовые танки замедлили ход, медленно молотили снег на проезжей части. Колонна набухала, заполняла улицу ребристой броней, тяжелыми пушками, едкими синеватыми выхлопами.

Они миновали площадь с озаренным президентским дворцом. Все окна светились, словно там шел прием. Граненые фонари на узорных чугунных столбах освещали площадь, но не было видно лакированных лимузинов, охраны, служителей, будто все приглашенные на прием услышали о приближении колонны, уловили мерное трясение земли, побросали хрустальные бокалы, тарелки с изысканными закусками и разбежались, укрываясь от тяжелых машин, нацеленных пушек, сосредоточенных стрелков и водителей.

Передние танки встали. Боевая машина пехоты, на которой сидел Кудрявцев, надвинулась, почти уперлась в хвостовые огни. Впереди из люка выставился танкист, оборачивался и махал.

На снегу перед танком в лучах прожектора среди сверкающих снежинок стоял человек. Маленький, в расхристанной ушанке, в клочковатой шубейке, в кривых разбитых башмаках. Он смеялся, жмурился от слепящих лучей, крутил бородатой головенкой и что-то радостно выговаривал сквозь рокот танка.

Кудрявцев, подцепив автомат, соскочил с брони и, чувствуя, как мягко продавливаются снег, приблизился к человеку. Тот блаженно улыбался щербатым ртом, мигал синими глазками, слюняво и косноязычно выговаривал:

– Этот, поди-тко, услышал!.. Айда со мной в магазин!.. Кланька кричит: «Погодь!»... А он ей: «Тудыт твою мать!..»

Он хохотал, крутил головенкой, рассказывал Кудрявцеву какую-то смешную, случившуюся с ним историю. Шмыгал провалившимся носиком, мигал из-под белесых бровей синими фонариками.

– Правильно идем на вокзал? – Кудрявцев всматривался в скачущее, в морщинках и трещинках, лицо, похожее на косматую мордочку веселого зверька.

– Арсланка зовет: «Айда!..» Я ему: «Эко вскочил!..» А он не сказамшись убеги... Хлебушко есть, и живу!..

– Ты кто? – Кудрявцев всматривался в странного мужичка, возникшего на пути колонны. – Где люди?

– Он ить, Арсланка, ничтяк!.. Тыщца, а не то миллион!.. – Безумное, косноязычное, невнятное было в словах мужичка. В его голове под растерзанной ушанкой, под белесыми косичками волос плескалось веселье, как лужа, полная весенних лягушек. В этом веселье, казалось Кудрявцеву, таилась отгадка всех странностей, тревог, случившихся при вступлении в город. Бесшумной ракеты, взлетевшей над сонным селом. Озлобленного черного облака птиц. Внезапного волшебного снегопада, накрывшего город. Города и Дворца, лишенных своих обитателей. Блаженный мужичок что-то объяснял Кудрявцеву, тот вслушивался

в его бульканье, был не в силах понять.

– Мне быть так их бы встренуть!.. А уж Кланьку придут опосля!..

Он крутил головой, насмехался над Кудрявцевым, не умевшим понять его простого и доступного языка. Махнул рукой, ударил себя по бедрам, словно собирался взлететь, и, подскакивая, притоптывая, изображая из себя то ли курицу, то ли самолет, растопырил руки и побежал, оставляя на снегу цепочку следов. Исчез, словно взлетел. Растворился в сиреновом пламени фонаря.

Колонна двинулась дальше, лязгая железом, шелестя эфиром, пробираясь в заколдованном городе.

Издали сквозь рокот моторов Кудрявцев услышал музыку. Сначала невнятную, заслоненную зданиями, казавшуюся обманом слуха, но потом превратившуюся в сильные свежие звуки, разносимые в холодном воздухе. Словно там, впереди, на площади, среди белого снега стоял рояль, и пианист во фраке давил лакированными штиблетами медные педали, бил по клавишам, встряхивал длинными волосами, и на зеркальной крышке черного инструмента лежал букет красных роз.

Танки выезжали на площадь, на ее белый овал, посреди которого стояла высокая елка. Мерцала, переливалась, пронизанная бегущими разноцветными огнями, увешанная игрушками, запорошенная, с большой золотистой звездой на верхушке.

Музыка лилась из репродуктора. Елка в сочетании с сочными, бодрыми звуками казалась приготовленной специально для них, прибывших из дикой степи, истосковавшихся по празднику, свету и радости.

Танки и боевые машины окружали елку темной броней, башнями, коробами, орудиями, окутывали ее гарью. Из люков высывались головы в шлемах, «чепчиках», вязаных шапочках. Солдаты изумленно глазели на мерцающее диво, выставленное для них посреди площади.

– Вот это, я понимаю, встречают! – ахал взводный, расширяя радостные глаза, раскрывая руки, будто хотел обнять зеленое дерево, прижаться к засахаренным хлопущкам, многоцветным флажкам, качающимся барабанам и трубам. –

А гостинцы будут давать?

Кудрявцева изумила не елка, не бравурные звуки рояля, а вид привокзального здания, старомодного, с лепниной, колоннами, полуокруглыми окнами. Именно таким представлял он себе это здание на совещании у генерала, когда ставилась боевая задача. Зеленовато-белое, окруженное голыми деревьями, с липкими перронами и фиолетовыми огнями, похожими на глаза изумленных животных, с тускло-синим отрезком стальной колеи, по которой, по словам генерала, должна подойти морская пехота.

Это совпадение изумило Кудрявцева. Он не мог объяснить, каким образом в его сознание залетело изображение вокзального здания. Кому и зачем понадобилось его передать? Чья страстная мысль и душа послала ему этот образ, остерегая, привлекая, заманивая?

Площадь была набита машинами, а они все подъезжали, теснились, закупоривали все входы и выходы. На броне толпились солдаты. Не решались прыгнуть на землю, озирались, гоготали, махали друг другу руками.

И над всем сверкала, мерцала разукрашенная ель, неслась из репродуктора хрустальная музыка.

Кудрявцев увидел, как из соседних проулков и улочек на освещенную площадь стали выходить люди. Их появление вызвало облегчение. Город не был безлюдным, околдованным, брошенным обитателями. Люди группами подходили к машинам, мужчины, женщины. Издали были видны их улыбки, цветные платки, поднятые в приветствиях руки. Подходили к танкам, кланялись, протягивали блюда с виноградом и яблоками, белые полотенца с хлебами. Кудрявцев видел, как у подошедшей женщины блестят в улыбке белые зубы, какое красивое, удлиненное и чернобровое у нее лицо, узорный в слюдяном блеске платок.

– Добро пожаловать, дорогие товарищи! – Высокий смуглолицый чеченец, без шапки, с пышными до плеч волосами, прижал к груди сильные руки, поклонился, поднял лицо к стоящему в люке Кудрявцеву. – Мы вас так ждали! Приветствуем в нашем городе как защитников и освободителей!

Женщины подняли на вытянутых руках подносы с фруктами. Взводный оглянулся на елку и радостно засмеялся. Вообразил, что фрукты и хлеб в руках

женщин и есть те самые, ожидаемые им гостинцы. Взял грушу, откусил. Было видно, как погрузились его крепкие зубы в сочную мякоть, как брызнул на подбородок сок. Лицо его выражало наслаждение, от которого он по-детски закрыл глаза.

– Возьмите хлебушек, откушайте! – по-русски, с говорком, произнесла молодая чеченка, протягивая Кудрявцеву полотенце с хлебом. – Тепленький! Из печки вынула!

Она улыбалась, кивала. Хлеб сдобно белел, румяный, пышный. Кудрявцев, помедлив, потянулся из люка, дотронулся до хлеба. Отщипнул податливый мягкий ломоть. Сунул в рот, почувствовал его ароматную душистую мякоть.

– Еще, еще! – улыбаясь, просила женщина.

Появление этих красивых дружелюбных людей, обилие фруктов, ароматы хлеба, тонкий, едва долетавший запах женских духов вдруг вскружили Кудрявцеву голову. Все перенесенные тревоги, изматывающая подозрительность, ожидание ловушки, засады – все это вдруг улетучилось, и он оказался в новогоднем праздничном городе среди красивых гостеприимных людей.

– Где Дудаев? – Кудрявцев прыгнул на землю и стоял теперь перед пышноволосым мужчиной, разглядывая его смуглое лицо, белую рубаху под кожаным долгополом пальто, золотую цепочку на округлой шее. – Где боевики?

– Еще днем ушли. Узнали, что подходят войска, и ушли. Бросили Дворец, министерства и, кто как мог, пешком, на машинах, сбежали. Мы – из Комитета общественного согласия. Послали своих людей занять президентский дворец. Завтра утром устроим митинг на площади в честь освободителей. Выступят наши народные лидеры.

Кругом из машин и танков выпрыгивали солдаты. Принимали угощения. Рвали и делили между собой виноградные кисти. Какой-то старик-чеченец достал из-под полы бутылку с темным вином, наливал в стаканчик. И солдаты, оглядываясь, не смотрят ли на них командиры, торопливо пили, закусывали грушами, яблоками.

И все это было знакомо Кудрявцеву, напоминало кадры фронтовой кинохроники, когда благодарные жители встречали войска на площадях освобожденных

городов.

– Вы бы зашли к нам, дорогие товарищи! Обогрелись! – приглашал мужчина. – У нас тут дом рядом. Еда, новогодний ужин. Будем очень вам рады!

Кудрявцев слушал эфир, ожидая приказа комбрига, указания на то, куда расставить машины, какие подходы к вокзалу взять под контроль. Но приказа не было. Кругом было шумно, людно. Солдатские шлемы и шапочки мешались с женскими платками и каракулевыми папахами. Раздавался смех, рокотали на холостых оборотах моторы, играла громкая музыка. И хотелось домашнего тепла, уюта, вкусной еды, застолья. Хотелось новогоднего праздника.

Кудрявцев, поддавшись неодолимому искушению, оправдывая его желанием оглядеть окрестность, выбрать удобные позиции для машин, кликнул взводного и еще пару солдат. Затолкали за спину автоматы, чувствуя себя желанными гостями, отправились с площади вслед за радушным гостеприимным хозяином.

Глава четвертая

Они ушли с озаренной площади, от танков, боевых машин, шумного солдатского многолюдья в тихую окрестную улочку, где стояли небольшие одноэтажные домики, кирпичные, добротные, окруженные заборами с железными, крашенными в зеленое и синее воротами. Одни из ворот были приоткрыты, и Кудрявцев вслед за хозяином-чеченцем вошел во двор. На земле, на снегу, падая из окон дома, лежали полосы света. Под навесом, под сквозной, перевитой лозами крышей был накрыт стол. На длинной клеенке в фарфоровой миске дымилось мясо, зеленели груды пахучей травы, круглились огромные помидоры. В стеклянных вазах светились груши и яблоки, свисали до самой клеенки темные гроздья винограда. Стояли бутылки с черно-красным домашним вином. Вокруг стола хлопотали, расставляли тарелки, сметали с лавок сырой липкий снег молодые женщины, которые, увидев гостей, засмутились, заулыбались и куда-то исчезли, как тени.

– Прошу, дорогие гости! Посидите, покушайте с нами! – приглашал их темнокудрый хозяин, широким жестом указывая на застолье, на длинные лавки, на которые два шустрых, с бедовыми глазами мальчугана укладывали толстые

шерстяные подушки, шитые черным и красным узором. – Чем богаты, тем и рады! – произнес он русскую поговорку, улыбаясь, желая угодить гостям.

В стороне, в темном углу заснеженного сада, дымилась и краснела жаровня. В отсветах виднелись молодые мужские лица, темные усики, быстрые глаза, ловкие сильные руки, клавшие на уголь шампуры с гроздьями шипящего мяса. Молодые люди издали поклонились, сделали приветствующий взмах руками, и Кудрявцев заметил, как над огнем сверкнули часы на браслете.

Они рассаживались под виноградными лозами на теплые удобные подушки. Взводный жадно и весело смотрел на горячую еду, на резные черно-изломанные лозы, сквозь которые дышало холодное близкое небо, на открытую освещенную дверь, где на мгновение возникали смеющиеся девичьи лица. Солдаты, стесняясь, боком пролезли за стол, осторожно поставили у ног автоматы. Их глаза, приоткрытые рты, чуткие носы были нацелены на обильные, остро пахнущие яства.

Из дома двое подростков вывели под руки старика в бараньей папахе, в длинной, похожей на кафтан телогрейке, в стеганых, обутых в калоши сапожках. Старик был белобород, белоус. На сморщенном лице выделялся сильный горбатый нос. Подслеповатые глаза были прикрыты косматыми седыми бровями. Старика подвели к Кудрявцеву, и старейшина пожал капитану руку своими холодными костлявыми пальцами:

– Дудаев кто?.. Дурак!.. На Россию замахнулся!.. Ему говорили: Джохар, ты сбесился? С Москвой дружить надо! Москва Чечне все дала. Нефть дала, города, ученых людей. Сколько Москву дразнить можно? Она терпит, терпит, а потом ударит. Вот и дождался! Чеченцы с русскими – братья на все времена. Я сказал Исмаилу: пойдя приведи русских!.. Спасибо, что пришли!

Пока старик говорил, его дрожащие холодные пальцы сжимали горячую ладонь Кудрявцева. словно он хотел для пущей убедительности передать через пожатия переполнявшие его мысли. Тот, кого старик назвал Исмаилом, пышноволосяй, смуглолицый чеченец, почтительно кивал, всем своим видом выражая почтение.

– Он ходил на прием к Дудаеву, – сказал Исмаил, когда старик умолк и подростки отвели его за стол, бережно усадили на узорную подушку. – Все

прямо в глаза сказал. Мы думали, его убьют. Джохар правду не любит. А его с почтением на «Мерседесе» домой привезли.

Кудрявцев, месяц назад собираясь с войсками в Чечню, очень слабо представлял, кто такой генерал Дудаев. Его портрет в щеголеватой пилотке, с колючими кошачьими усиками, в золотых генеральских погонах не вызывал у него враждебности, а лишь раздражение, как и многое из того, что являла собой удаленная от гарнизона реальность, запаянная в телевизионную колбу. В этой колбе случались непрерывные скандалы, утомительные склоки, бесчисленные смерти, изнурительные выборы, бессмысленные дебаты, выступления надоевших артистов и усталых несмешных шутников, мелькали говорливые, лишенные пола существа и некрасивые, выставляющие напоказ свое дряблое тело певицы. И среди этой разноцветной, как нефтяные пятна, жижи, среди ярких и ядовитых разводов мятежный чеченский генерал был одним из многих, кто являл собой разложение и распад.

Кудрявцев, офицер, посвятивший себя служению, не понимал причин этого разложения, не находил его глубинных истоков. Был почти равнодушен к чеченскому генералу, казавшемуся ничем не хуже и не лучше других, русских, украинских, казахских, отпавших от великой армии, отломивших от нее сочный ломоть, жадно этот ломоть проедавших.

Стоя в степи на подступах к Грозному, разглядывая в бинокль туманные микрорайоны, слушая разведсводки и радиоперехваты, Кудрявцев изменил свои представления о мятежном Дудаеве. Генерал постепенно превратился для него в противника, обладающего войском. Однако это войско не в силах было устоять перед натиском полков и бригад и должно было рассыпаться, как рассыпается глиняное, покрытое трещинами блюдо с глазурованными цветками и ягодами, когда бьют по нему молотком.

Теперь в сумраке зимнего сада, окруженный огнями, грудями пахнущего голубоватого снега, глядя на близкие виноградины, в каждой из которых теплилась малая золотая искра, Кудрявцев подумал о Дудаеве, как о чем-то уже прошедшем, исчезнувшем, что растаяло и пропало, едва в город вошла могучая колонна бригады.

Все расселись. Стол наполнился красивыми дружелюбными людьми, каждый из которых словом, взглядом или жестом старался выразить расположение гостям. Передавал ножи и вилки. Наливал в граненый стакан вино. Клал на тарелку

ломоть вареного, окутанного паром, на белой скользкой косточке мяса. Или просто издалека улыбался, прижимал к груди руку, кланялся, если встречался глазами с Кудрявцевым.

– Дорогие гости, воины нашей армии! – Чернокудрый Исмаил поднялся, держа в руках налитый вином стакан. Он был мужественен, красив со своими смоляными кудрями, белой рубахой, золотой цепочкой на крепкой округлой шее. Напоминал киноактера. Его речь, торжественно-дружелюбная и одновременно властная, выделяла его среди остальных. Он был главный, хозяин дома, ему мгновенно подчинялись. По его взгляду и жесту молодые люди кидались и приносили ему то чистое полотенце, то миску с кусками мяса, то еще одну расшитую цветной шерстью подушку. – Дорогие братья! Приветствую вас за этим новогодним столом в простом чеченском доме! Вы далеко от ваших семей, от ваших матерей и сестер. Мы – ваши братья, ваши самые близкие родственники. С Новым годом!

Он поднял к губам стакан, пил темное, уменьшающееся в стакане вино, двигая сильным смуглым кадыком, и цепочка у него на шее дрожала. Кудрявцев выпил свое вино, испытал наслаждение от терпкой душистой сладости. Мягкая теплая струя пролилась в него, и он через мгновение почувствовал, как легчайший сладкий дурман коснулся его глаз.

– Пожалуйста, угощайтесь. – Сосед Кудрявцева, любезный пожилой чеченец с седеющей щеткой усов, достал руками из миски кусок мяса. Отряхнул с него капли жира и сока и, держа за косточку, бережно положил на тарелку Кудрявцева. – Барашка попробуйте, очень вкусно! – Он смущенно улыбался, словно просил у Кудрявцева прощения за эту бесхитростную, бытовавшую среди близких людей манеру брать мясо руками. Кудрявцев улыбался в ответ, принимал его ухаживания. Ел горячее, вкусное, пьянящее мясо, запивал его терпким вином.

Солдаты, которых он привел с собой вместе с лейтенантом, жадно набросились на еду. После походной, набившей оскомину каши с тушенкой уплетали мясо, овощи, пили вино. Смеялись, распускали свои напряженные мускулы, крутили головами, о чем-то спрашивали, охотно отвечали. Один был тот самый худой контрактник, который несколько часов назад изображал Снегурку, танцевал на корме бээмпэ голый по пояс, пел разухабистые куплеты. Сейчас контрактник набивал рот мясом, по-собачьи глотал непрожеванные куски, давился, но не мог оторваться от еды. Снова набивал щеки, словно боялся, что чудо кончится и его, не успевшего утолить свой голод, уведут из-за стола.

Другой солдат был деревенский круглолицый мордвин, серьезный и сдержанный. Ел неторопливо, степенно. Отрезал от мяса ломти, тщательно жевал, запивал маленькими глотками вина. Вежливо улыбался, кивал головой говорившему с ним соседу.

Кудрявцев мимолетно подумал, не слишком ли увлекло его гостеприимное застолье? Не лучше ли встать, отблагодарить радушных хозяев, отправиться на рекогносцировку по окрестным улочкам. Наметить места для размещения боевых машин. Выставить «блоки» пушками и пулеметами в полутемные, с редкими огнями проулки, обороняя площадь, вокзал, железнодорожную колею, по которой через некоторое время подойдут морпехи. Он несколько раз порывался встать и вернуться на площадь, где скопилась и сгрудилась боевая колонна. Но такой вкусной была еда, такими приветливыми были хозяева, что он каждый раз оставался. Хватал пучки душистой травы, отпивал из стакана вино.

– Я сам – преподаватель пединститута, – наклонился к Кудрявцеву пожилой благовидный сосед. – Я тщательно изучал отношения Чечни и России. Имам Шамиль в конце концов подписал мирный договор с царем, признал вхождение Кавказа в Россию. Это было во благо Чечне. Все, кто пытается внести раздор между нами, являются врагами чеченцев. Их нужно судить как врагов народа! – Он твердо положил руку на клеенку, на его пальце блеснуло обручальное кольцо, и Кудрявцев старался понять, из кого состоит эта многолюдная семья. Кто здесь деды, отцы, дети, кто дядья и племянники, а кто просто соседи, приглашенные на званый ужин.

– А что, действительно Дудаев творил здесь бесчинства? – спросил Кудрявцев, чтобы этим вопросом поддержать разговор, ибо мысли его были о другом. Ему было хорошо и спокойно. Безлистые виноградные лозы с черными узлами и почками коряво, с резкими изгибами накрывали сквозной шатер. Снег медленно таял, благоухал, словно разрезанный свежий арбуз. Сквозь изгородь виднелся малый озаренный участок площади, белый, сияющий, с музыкой, голосами, сверканием елки, и казался краешком зажженной хрустальной люстры, под которым продолжался несмолкаемый праздник.

– Люди пропадали бесследно! – Сосед сокрушенно качал головой. Его седые, щеткой, усы горестно шевельнулись. – На прошлой неделе русскую девушку на улице убили и бросили. Боялись вслух громкое слово сказать. Меня самого сутки под арестом держали. Спасибо вам, что пришли. Дудаев, говорят, удрал в горы,

а то и в Турцию. Наступит покой и порядок.

Кудрявцеву нравилось чувствовать себя избавителем этих добрых мирных людей. Вино, которое он пил, баранина, которая таяла у него на губах, были им заработаны. Были благодарностью за долгие дни лишений, за простуды, обстрелы, нескончаемые труды и заботы, выпавшие на долю солдат и офицеров бригады. Мятежный генерал с кошачьими усиками и его дикие, в пулеметных лентах и бараньих шапках, сторонники пробирались теперь в темноте прочь из города. Сторонились больших дорог и выставленных военных постов. Крались проселками, тропами, как затравленные пугливые звери.

Он опьянел, но не тяжко, а сладко и мягко, так что огни вдалеке окутались легчайшим туманом. Ему не хотелось говорить о политике. Хотелось, чтобы его пригласили в дом, в растворенную яркую дверь, где пестреет нарядная занавеска и то и дело появляется смешливое девичье лицо. Ему хотелось осмотреть убранство дома, незнакомый быт и уклад. Ковры на стене, какой-нибудь серебряный в ножнах кинжал, какие-нибудь шитые шелками накидки. Он бы сравнил убранство кавказского дома со своим жилищем, опрятным и строгим.

Мать на праздники приглашала родню – двух своих братьев с женами, оба путейцы с железной дороги, сестру, незамужнюю и бездетную, худую, насмешливую, продавщицу в магазине. Отец Кудрявцева умер рано от быстротечной, спалившей его простуды. Но тетки и дядья со стороны отца не забывали племянника. На праздник за столом былолюдно и весело. И так славно было сидеть и следить, как взрослые подпаивают, подкармливают друг друга. Подкладывают квашеную с кусочками льда капусту, пупырчатые, пряные, с прилипшим листком смородины огурцы, жирный, дрожащий на ноже холодец. Разливают в лафитники водку. И старший из дядьев, могучий, краснолицый, с толстыми губами, чем-то похожий на добрую корову, поднимает рюмку огромной, чуть дрожащей рукой.

Это видение налетело, сладко тронуло душу. Кудрявцеву стало горячо и нежно. Эти два застолья сложились, сдвинулись, перемешались русскими и чеченскими лицами. Он испытал благодарность к этим недавно еще незнакомым людям, которые приняли его в чужом городе, обогрели и обласкали в чужом краю.

– Товарищ капитан, разрешите тост! – Взводный блаженно улыбался. Его переполняли восторженные мысли и чувства. Он должен был немедленно ими поделиться. Молодой чеченец, ровесник лейтенанта, бритый наголо, с

красивыми взлет черными бровями, резал ножом кусок баранины. Когда лейтенант поднялся, чеченец прекратил орудовать ножом, положил жирное тусклое лезвие на кусок мяса и, улыбаясь, приготовился слушать лейтенанта.

– Друзья! – Взводный обращал попеременно ко всем свое милостивое, нежно-розовое, как у херувима, лицо, и все, к кому он его обращал, поощряли его, улыбаясь. – Мне так приятно оказаться в вашем доме! Так неожиданно все получилось! И честное слово, такое чувство, что мы давным-давно знакомы! Я хотел бы от всего сердца...

Кудрявцев слушал с улыбкой, снисходительно прощал сентиментального, слегка опьяневшего лейтенанта. Но по мере того как умолкнувший лейтенант собирался с мыслями, намереваясь произнести что-то витиеватое, необычное, Кудрявцев вдруг ощутил, как вокруг что-то стремительно и неуловимо меняется. Словно перед грозным, готовым случиться событием, налетала бесшумная волна тревоги.

Все так же колыхалась занавеска в раскрытых дверях дома, и мелькало девичье лицо. В дальнем углу сада, в темноте, сыпались красные искры, кто-то махал опахалом, раздувая угли, и опять мелькнула рука с часами. Старик в папаче что-то вяло жевал, подслеповато разглядывая наложенные на тарелку яства. Исмаил отбросил за плечи мешавшие ему кудри, терпеливо ждал, когда продолжит говорить лейтенант. И в этой краткой наступившей заминке вдруг стало особенно тихо. Умолкла несущаяся с площади праздничная музыка. В тишине долетали отдельные нестройные крики, рокот моторов. Хрустальная зажженная люстра без этой праздничной, доносившейся из репродукторов музыки словно поблекла и потускнела. И все, кто был за столом, встрепенулись, прислушивались к этой внезапно образовавшейся тишине.

И в эту пустоту, как в прорубь, в разлом, в промоину, оторвавшую кусок горы, хлынул рев. «Аллах акбар! Аллах акбар!» – взревела невидимая толпа. «Аллах акбар!» – откликнулось черное низкое небо, уставленная домами земля, заснеженные сплетения деревьев. Будто на площадь, окружая ее кольцом, рвануло темное плотное толпище. Грозно выдыхало: «Аллах акбар!» Этот рев напоминал паденье огромных листов железа. Клокотанье стадиона, наполненного страстью и ненавистью. Клики ударили в застолье, опрокинул укрепленный на тонкой оси неустойчивый мир, перевернул его вверх дном.

Лейтенант, произносивший тост, все так же картинно, приподняв по-офицерски локоть, держал стакан с вином, сентиментально улыбаясь. Но эта улыбка переходила в гримасу боли и ужаса. Его прозрачные голубые глаза выкатывались и выпучивались, ибо в горле его, погруженный по рукоять, торчал нож. Костяная ручка ножа была сжата сильной, перепачканной бараньим жиром рукой молодого чеченца, еще недавно застенчиво улыбавшегося, готового услужить и помочь. Нож торчал в горле лейтенанта, из-под лезвия слабо выступила и тут же снова впиталась кровь. Лейтенант замер, надетый подбородком на нож, медленно оседал, и глаза его чернели от непонимания и боли. Как в замедленной съемке, выпал из рук стакан, и брызнувшее вино, словно в невесомости, парило крупными красными каплями.

Чеченец выпустил нож, лейтенант разом рухнул, провалился под стол. Голова с торчащей костяной рукоятью запрокинулась рядом с Кудрявцевым на расшитой подушке.

«Аллах акбар!» – ревело сквозь деревья, словно раздирали огромный сырой мешок, он трескался, лопался, вываливал наружу черную требуху.

Мордвин, жующий мясо, застыл с набитыми щеками, с раздутым, наполненным пищей ртом. Наклонил вперед голову, чем-то похожий на дворовую поперхнувшуюся собаку, и в его выставленный белый лоб, протянув руку с пистолетом, выстрелил Исмаил. Кудрявцев, остолбенелый, видел, как дернулась вверх рука с пистолетом, откинулась назад тяжелая красивая шевелюра чеченца, и пуля, отделившись от ствола, вырвалась из пернатого пламени, погрузилась в широкий лоб сержанта, пробуравила в нем дыру и ушла в мозг, перемешивая сосуды и губчатое вещество. Ударилась изнутри в затылок, расплющилась и стекла расплавленной каплей. Из дыры ударила черно-красная жижа; мордвин упал головой в тарелку, мешая баранью плоть со своим сырым, горячим, смешанным с кровью мозгом.

Брызги разлетелись по столу, и Кудрявцев, превращенный в каменный столб, не в силах пошевелиться, почувствовал, как мазнуло его по щеке.

«Аллах акбар!» – валил сверху черный оползень, захватывая в своем падении деревья, дома, выворачивая с корнем город, оставляя на его месте черную парную ямину.

Контрактник заверещал пронзительно, тонко, как подстреленный заяц. Вскочил, хватая прислоненный к лавке автомат, пытался выбраться из-за тесного застолья. Продолжая верещать, бросился вдоль стола, на ходу поворачиваясь через плечо, чтобы в развороте хлестнуть по столу очередью, сметая тарелки, вазы, круша поднявшихся в рост чеченцев. Но старик в папаше выставил стеганый, в блестящей калоше, сапожок, контрактник запнулся и кубарем, растопырив руки, стал падать. И в эту падающую, с растопыренными руками, мишень из темноты, из кустов, где мутно краснела жаровня, ударила тугая короткая очередь. Пробила контрактника колючим пунктиром, и он, продырявленный, с пробитыми внутренностями, рухнул. Умолк, шевелился среди раскисшей опавшей листвы, мокрого снега и черной, похожей на нефть, воды.

Все это произошло не последовательно, а одновременно, с отставанием в доли секунды. Кудрявцев видел три мгновенные смерти, случившиеся в перевернутом, упавшем с оси, опрокинутом мире. Пережил оцепенение, когда глаза, остекленелые, выпавшие из орбит, обрели панорамное зрение, увидели одновременно три смерти. Он остался один, и хрусталик глаза вдруг почувствовал, как зарябил, задрожал, теряя прозрачность, воздух. Это смерть стала надвигаться на него, проникая сквозь хрусталик. Он вдруг ослеп, и вся его жизнь, в которую нацелилась смерть, превратилась в слепое стремление прочь от смерти, заставила его действовать страстно и безрассудно.

Его сосед, седоусый «профессор», копался рядом, извлекая из-за ремня неуклюжий, неудобный пистолет. Понимал, что мешкает, сердился, поднимал на Кудрявцева глаза. И в эти глаза, в усы сокрушающим ударом кулака, толчком заостренного, таранно бьющего плеча ударил Кудрявцев. Выбил соседа из-за стола, кинулся в свободное пространство. Сначала к дому, к кирпичной стене, к открытым, казавшимся спасительными дверям, к разноцветным и полупрозрачным материям. Вслед ему, проскальзывая под локтем, над плечом, у щеки, ударили пистолетные выстрелы. Расплющились на стене, задымились кирпичной пылью.

Уклоняясь от выстрелов, он отпрянул от дома. Метнулся к воротам, ударил в них головой. Услышал гонг, успев разглядеть закрытый засов. По воротам, по засову, ослепляя бенгальскими искрами, лязгнули пули. В крохотную пробитую дырочку сверкнула снаружи снежная освещенная улица.

Кудрявцев бросился вдоль высокой изгороди, ломая кусты, опрокидывая деревянные помосты, путаясь и разрывая тряпье и ветошь. И вслед за ним, над

его головой, окружая его, дырявя стену, била длинная неточная очередь, настигая его звоном, искрами, колючими вспышками.

Впереди, замыкая стену, стоял сарай, тупик, черный угол, куда его загоняли, где ждала его неминуемая, настигающая смерть. И, слабея, почти смиряясь с ее неизбежностью, он на последней секунде, перед тем как погибнуть, собрал в огненную точку всю свою жизнь, весь хруст костей, стон рвущихся мышц и, толкнувшись о какой-то упор, вознесся, как на шесте. Полетел над изгородью лицом в небо, видя, как мечутся вокруг него прерывистые белые иглы.

Перевернулся в воздухе, упал по-кошачьи на четыре конечности. Пробежал на четвереньках, как зверь, рыхля снег лицом, руками, коленями. Вскочил, побежал прочь от дома, на площадь, где была бригада, где ревели в динамиках хрипы толпы и уже грохотало, стреляло, взрывалось, взмывало ртутными вихрями. Сзади по улице за ним гнались и стреляли. Провожали воем и криком, словно преследовала вдоль забора стая черных низкорослых собак. А спереди, там, где приближалась площадь, вставало навстречу рыкающее косматое чудище. Дышало красным дымом, и в раскрытой пасти хрипело и хлюпало стоголосое «Аллах акбар!».

Он выбежал на площадь, и на него пахнуло жаром, как из открытой печи. Дунул белый слепящий сквозняк, вдувал обратно в улицу. Одолевая давление ветра и света, Кудрявцев выскочил на открытое пространство и сразу пропал для преследователей. Смешался с клекотом, вихрями, перемещением огромных масс железа, свистом и лязгом. Замер, припечатанный к стене дома, окруженный взрывами и ударами пуль.

Площадь дрожала и лязгала, вздымалась клубами сажи, перекатывалась ослепительными шарами огня. Сыпала вверх искристые фонтаны, кидала струи пламени. Ломалась, лопалась, раскалывалась, прошитая пунктирами очередей, колючими перекрестьями. Из этого движения и лязга врассыпную бежали люди. Натыкались на встречные, под разными углами, трассы и падали, разворачивались и бежали обратно в огонь, в гарь, в кружение стали.

Кудрявцев увидел, как из огня, из месива гусениц и башен выполз танк. Горел на ходу, охваченный длинным рваным пламенем вдоль гусениц и кормы. Слепо накатывался на близлежащий дом. Из его пушки вырвалась плазма огня, снаряд

тупо пробил стену, взорвался внутри, и в открывшуюся дыру, в кирпичную пыль и гарь воткнулось танковое орудие. Танк взорвался, разбрасывая крутящиеся колеса, катки, обрывки траков. Ветхая стена дома оползла и осыпалась на горящий, застрявший в строении танк.

Кудрявцев прижимался к стене, искал глазами свою роту, выстроенные в ряд с интервалами боевые машины пехоты, которые он безрассудно оставил, поддавшись на уговоры чеченцев. Туда, к машинам, к оставленным солдатам хотел он пробиться, выглядывая бортовые номера. Но не было роты, не было интервалов, не было построенных в колонну машин. Крутилась, лязгая, сшибаясь, огненная карусель, брызгала во все стороны разноцветной жижей, ядовитым дымом, выталкивала из себя горящих людей и тут же всасывала их обратно. В эту карусель со всех сторон летели трассы, длинные кудрявые побеги реактивных гранат. Долбили, взрывали, выковыривали из горящих машин огненный мусор, колючие букеты, составленные из раскаленной проволоки и угольно-красных цветков.

Кудрявцев видел, как из окрестных домов группами, по два, по три, выбегали гранатометчики. Стоя или падая на колени, направляли трубы с заостренными, похожими на корнеплоды гранатами в центр площади. Стреляли, вгоняя в скопление техники жалящие дымные клинья. Гранаты протыкали броню, взрывались внутри тяжелыми ухающими ударами, отрывая и отбрасывая люки, вышвыривая столбы света, истерзанную плоть, – липкие, летящие по воздуху языки.

Гранатометчики, отстрелявшись, отступали обратно, а на их место выбегали другие. Падали на колени, наводили трубы на площадь, вгоняли в нее заостренные клинья, и со всех окрестных крыш, из распахнутых окон летели, навешивались кудрявые дымные дуги, впивались в борта, в кабины, в башни, разрывая в клочья тупую застывшую технику.

Из динамиков сквозь взрывы и пулеметные трески, сливаясь с ними, звучало: «Аллах акбар!» С каждым выдохом и выкриком стоголовой толпы становилось светлей и светлей. Взрывы выталкивали в небо слои света, и площадь разгоралась, подымала огромные шевелящиеся своды. Посреди хоровода гибнущих людей, сгорающих наливников и танков мерцала новогодняя елка, сквозь дым виднелись хлопушки, раскрашенные барабаны и дудки.

Кудрявцев понимал, что случилось огромное несчастье, непоправимая беда. В этой беде гибнет его рота, его бригада, истребляются его солдаты и командиры, и он, безоружный, выброшенный на окраину площади, не в силах им помочь. Стоит с расширенными, полными слез глазами, в которых выгорает бытие, превращаясь в огонь, в свет, в ничто.

Из дыма, расталкивая бортами горящую технику, царапая и сбивая грузовики, вынеслась боевая машина пехоты. Помчалась вдоль площади по дуге, скользя на виражах, крутя пулеметом, рассылая вокруг наугад долбящие очереди. Стала прорываться в соседнюю улицу. И ей навстречу, освещенный, в рост, не страшась пулемета, выступил гранатометчик, подбил ее точным ударом. Из распахнутых взрывом дверей, как из шкафа, посыпались солдаты десанта. Катались, оглушенные, по земле, вскакивали, бежали, а их расстреливали в упор автоматчики, держа у животов дрожащие стволы.

Его ужас и безумие были столь велики, что гнали его не прочь с площади, подальше от ада, а, наоборот, в самый ад, в центр, в раскаленный фокус, где расплавлялось само бытие и куда летели, раскаляя этот фокус, колючие звезды гранат. Его засасывало в пустоту, в расплавленную дыру, и, отрываясь от стены, с помраченным сознанием, он метнулся на площадь. Но кто-то невидимый остановил его, вдавил обратно ударом жаркого воздуха, бессловесно приказал: «Смотри!» И он остался, прижатый к стене, с расширенными зрачками. Смотрел, как проносится у его лица горящая ветошь.

Взрывы и вспышки валом уходили с площади в горловину центральной улицы. Погружались в окрестные проулки, куда набилась техника, стояли впритык машины. Там вздымались багровые клубы, озарялись фасады и крыши, лопались взрывы, словно город стиснул в своих объятиях бригаду, сдавил ее фасадами, и пойманная бригада рвалась, тыкалась в стены, лопалась, не выдерживая давления сжимавших ее объятий. В этом мартене, среди пузырей и стальной слюны, слышались вой и стоны. Гибли экипажи, десант, растерянные командиры, водители грузовиков. Оттуда, где они гибли, взлетела, как сорванная ветром шляпа, башня бээмпэ. Медленно, перевортываясь, пушкой падала в белый протуберанец огня.

«Смотри!» – продолжало бессловесно звучать, и этот властный приказ удерживал Кудрявцева у стены.

Из огня, отделяясь от подбитых машин, выскочили двое. Обнявшись, охваченные пламенем, бежали. Заплетаясь ногами, меняя направление бега, поддерживали друг друга. Их пылающие комбинезоны и брюки казались разбухшими, под тканью пузырилась и вскипала плоть. Сгорая на бегу, не могли расцепиться. Упали, лежали в огне, продолжали шевелиться, и было неясно, остаются ли они живыми или это натягиваются, вспучиваются их мертвые горящие сухожилия.

Мимо Кудрявцева пробежал чеченец, в кожаной куртке, камуфлированных брюках, с худым бородатым лицом. В руках чеченца был автомат. Пробегая, он встретился с Кудрявцевым взглядом, повел автоматом, направляя его к стене, но не довел. Что-то хрипло, ненавидяще выкрикнул, продолжая бежать туда, где выскакивали из люков танкисты и где требовались его пули, его автоматные очереди, его черные злые глаза.

Елка дымилась, охваченная снизу пламенем. Лампочки продолжали мигать. Спасаясь от смерти, лез по стволу человек. Рядом взорвался наливник, вверх подлетел похожий на огромную цветную капусту клуб огня, пролился на елку, на карабкающегося человека липким дождем, превращая дерево в белую свечу.

Все спекалось, сплавлялось, превращалось в сплошной красный уголь. В этом шлаке, в ядовитом пепле смолкали крики и вопли. Реже звучали очереди и выстрелы пушек. Над площадью в клубах дыма, раздувая кострище, носилось уродливое многокрылое существо, плевало сверху красной слюной, харкало белой слизью, пялило во все стороны выпученные глазища. Над гибнущей бригадой, превращая ее гибель в чью-то победу и ликование, несло неумолчное «Аллах акбар!».

Кудрявцев очнулся. Посмотрел на свои пустые, лишённые оружия руки. Оглядел площадь, где все ревело и пропадало в огне. Отдаленный край площади был темен, там не летали трассы, не мчались раскаленные головешки гранат, а стелился тяжелый слоистый дым. Туда, к этому дыму, прочь от побоища, побежал Кудрявцев, чувствуя истребляющий страх, толкавший его в спину, пинавший в крестец, извергая из его легких непрерывный бессловесный крик.

Глава пятая

В московском особняке, в бизнес-клубе, среди пушистых сугробов, аметистовых фонарей, бесшумных лакированных лимузинов, взбивавших улицу, как пуховую перину, празднично текла новогодняя ночь. В ресторанном зале, обитом темным мореным дубом, стояли столы под белыми скатертями. Горели в серебряных подсвечниках свечи. Сочно, жарко пылал камин, выбрасывая на кованный лист дымные угольки. Елка, убранная от подножия до стеклянной хрупкой звезды, переливалась и вздрагивала, когда быстрые полуобнаженные танцовщицы слишком близко проносились мимо нарядных, усыпанных стеклом и блестками веток. Пахло смолой, сладким дымом, женскими духами. С ними мешались запахи дорогого табака, горячих, разносимых вдоль столов яств. Висел ровный непрерывный гул голосов, звон стекла, звяк посуды. Играла лучистая яркая музыка. В разноцветных пучках света танцевали молодые прелестные женщины. Казалось, их обнаженные плечи, полуголые груди, стройные ноги проносятся в снегопаде, попадая в зайчики света, отраженные от зеркального шара.

Недалеко от камина, так что доставали струйки дымного горячего воздуха, между елью и белым роялем с золотой геральдикой находился стол, за которым главенствовал известный столичный банкир, влиятельный предприниматель Яков Владимирович Бернер. Рекламы его банка высвечивались на огромных уличных щитах. Вывески его корпорации сияли на крышах московских зданий, прожигая синюю ночь своими неоновыми иероглифами.

Бернер, моложавый, худой, с яркими черными глазами, красными свежими губами на бледном, тщательно выбритом лице, сидел вполборота на резном стуле. Радостно, остро смотрел, как танцовщица в прозрачном трико поднимает под прямым углом длинную сильную ногу. Его волновала ее голая подмышка, гладкое обтянутое бедро. Хотелось поймать ее, крепко и больно сжать, почувствовать, как бьется, трепещет в объятиях ее горячее влажное тело.

– Скажи, дорогой, правда ли, что ты сам подбирал этот ансамбль, осматривал каждую балерину, как лошадь? Заглядывал ей в зубы, обмерял икры? – Его жена Марина, красивая и насмешливая, перехватила его жадный взгляд, недовольно выставила нижнюю губу. Они были женаты полтора года, она была на третьем месяце беременности, ее живот туго обтягивала зеленоватая ткань английского вечернего платья, и никто ее беременности не замечал. Но Бернер чувствовал, как изменился в дурную сторону ее нрав, как часто она раздражается и уже едва выносит запах пахучих соусов и рыбных блюд.

– Да, дорогая, – отшутился Бернер. – Именно как табун лошадей. Но поверь, ни одну из них я не пытался оседлать. У меня есть ты, моя дорогая лошадка!

За новогодний стол Яковом Владимировичем были приглашены гости. Кто случайно, подвернувшись под руку перед самым праздником, кто по праву называться другом дома, кто из соображений полезности, находясь с Бернером в деловых отношениях. Было произнесено несколько тостов, пили водку, виски, итальянское вино, французское шампанское. Умягченные и благодушные, разгоряченные напитками и музыкой, разговаривали, но так, чтобы их непременно услышал хозяин стола, одарил улыбкой или одобрительным взглядом. Бернер внутренне усмехался, не скупился на улыбки и взгляды.

Говорила гостья из Франции, русская княгиня, находившаяся в родстве с российским императорским домом. «Августейшая», – язвительно шепнула мужу Марина. Княгиня была стара, кожа ее была сухой, словно сброшенная на песок шкурка змеи. Волосы, седые, пышные, с голубоватым оттенком, напоминали сбитые сливки. Губы, окруженные множеством морщинок, напоминали пластинчатую изнанку гриба. На морщинистой склеротической руке красовался бледно-зеленый изумруд.

– В нынешний приезд Москва мне особенно нравится, – говорила княгиня, держась очень прямо, вытягивая из кружевного воротника черепашую шею. – Очень много красивых, хорошо одетых людей. Такие светлые, жизнерадостные лица. Вот что значит освободиться от большевистского гнета! И конечно, очень много красивых отремонтированных особняков. Я, знаете, посетила особняк на Полянке, принадлежавший до революции нашей семье. Меня поразило хорошее содержание комнат. Даже медная люстра, которую я помню с детства, все еще висит в прихожей.

– Не исключено, – Бернер улыбнулся, поощряя ее несколько пергаментную шелестящую речь, – не исключено, что скоро появится закон, по которому собственность, отобранная в революцию, будет возвращена ее прежним владельцам. Мои друзья-депутаты разрабатывают новый законопроект. Как знать, может быть, вы скоро сможете вернуться в свое родовое гнездо!

– О, это было бы чудо! – тихо закачала головой княгиня, прикрывая глаза желтыми, как у совы, веками. Казалось, она вспоминает туманные образы детства.

– А верно ли, – Марина с едва заметным акцентом передразнила княгиню, – верно ли, что коли в России восстановят монархию, то монархистам пожалуют титулы графов, князей и баронов? Можем мы с мужем рассчитывать?

– О, непременно! – улынулась княгиня, показывая фарфоровые зубы, похожие на край тарелки. – Ваш замечательный муж столько делает для восстановления русской монархии!

– Барон фон Бернер! – хохотнул сидящий за столом весельчак Сегал, пористый розовый нос, сияющая, загорелая под банным кварцем лысина, белые, как пух одуванчика, волосы. – Остзейский немец!

Бернер строго посмотрел в его сторону, и тот, слабо хихикнув, умолк. Княгиня приехала в Москву на средства и по приглашению Бернера. Он же через несколько дней отправит ее в Екатеринбург, где княгиня желала побывать на месте захоронения царских останков. Взять горстку земли, в которой, как она говорила, содержится «частичка мощей императора». Бернер уже заказал ей гостиницу, автомобиль, провожатого, поговорил по телефону с губернатором. Взамен же он надеялся на протекцию княгини, которая была в родстве и дружбе с влиятельными политиками Франции, где Бернер собирался открыть сеть бензозаправок. «Николай» – так думал он назвать свою фирму, торгующую за границей бензином, в честь убиенного императора.

Официант в белом, узком в талии сюртуке, в кружевной рубашке с бантом, похожий на тореадора, картинно поднес серебряное блюдо с нарезанными ломтями осетрины. Незадолго до этого целый осетр, чешуйчатый, волнообразный, с букетиком бумажных цветов в остроконечном клюве был продемонстрирован застолью. Теперь же, рассеченный на ровные ломти, лежал на блюде. Официант изящно взмахивал перламутровой лопаточкой, цепляя порции, клал на свежие тарелки, не забывая подложить серебряной ложечкой горстку благоухающего хрена.

– Господа, такая чудная еда! Можно сказать, объедение! – Сегал поднялся, роняя салфетку, держа хрустальную рюмку. – Предлагаю выпить за здоровье нашего друга и, не боюсь сказать, благодетеля, собравшего нас за этим дивным столом! За Якова Владимировича, у которого, смею надеяться, новый год будет не только годом приращения его несметных капиталов, но и в буквальном смысле Годом приращения!.. Кстати, чтоб не забыть! – Он быстро сменил свою напыщенную патетическую речь на смешливую, с хрипотцой и одесским

акцентом. – Анекдот! Два еврея терроризировали деревню с помощью своих двух обрезов! – И, не дожидаясь, когда засмеются другие, захохотал, бурно тряся животом. Полез через стол чокаться с Бернером.

Бернер не рассердился на него, а насмешливо наблюдал, как он погружает в хрустальную рюмку толстые губы, неряшливо сует в рот большой кусок осетрины.

– Скажи, почему, – язвительно спросила Марина, – когда еврей рассказывает такие истории, это называется анекдотом, а когда члены общества «Память», то это – антисемитская выходка?

Марина не любила Сегала, не понимала, почему муж терпит подле себя этого неопрятного и неумного балагура. Бернер оценил остроумное замечание жены, но не стал ей объяснять, что дорожит Сегалом, как музейным экспонатом из прошлого, когда он, неопытный молодой инженер, делал первые робкие шаги в бизнесе, и Сегал, матерый адвокат, спас его от уголовного преследования.

Он обернулся туда, где за белым роялем стоял небольшой столик. Без вина, с бутылкой минеральной воды и бутербродами за столиком сидели его телохранители, дюжие парни в зеленых взбухших пиджаках, и вместе с ними – начальник службы безопасности ингуш Ахмет, рыжеватый, жилистый, с подстриженной щетиной. Ахмет перехватил взгляд хозяина, посмотрел на лежащий перед ним мобильный телефон, отрицательно покачал головой. Бернер понял – ожидаемого звонка не было. Долгожданное известие запаздывало.

Известие, им ожидаемое, касалось штурма Грозного, намеченного на новогоднюю ночь. Как объяснил ему министр обороны, войска должны были внезапно войти в город, вытеснить Дудаева на сельские равнины под удары авиации и установить контроль над нефтяными комплексами. Именно с этими комплексами был связан интерес Бернера. Нетронутые войной, законсервированные заводы, сияющие стальные башни, жирные, уходящие в степь трубы, серебряные, похожие на огромные пузыри нефтехранилища – все они должны были перейти в собственность Бернера. Концерн, который он возглавлял, пользуясь негласной поддержкой правительства, сразу же после боевых действий вступит во владение собственностью. «Усмирение мятежной Чечни» диктовалось нефтяной политикой. Через ее территорию из России, Азербайджана и Казахстана на картах, висящих в кабинетах торговцев и потребителей нефти, уже нарисованы линии магистралей, разноцветные пучки,

напоминавшие стрелы ударов. Схемы борьбы и стратегии за господство в двадцать первом веке.

Именно это известие – о вступлении войск – должен принести ему Ахмет, когда на его столе нежно зазвонит телефон, темный моллюск, усыпанный присосками кнопок.

Еще один гость, приглашенный Бернером, развлекал своим разговором застолье. Это был известный деятель русского патриотического направления, заявивший о себе еще во времена коммунизма. Он выступал за возрождение православия, за переименование улиц, за реставрацию храмов и за то, чтобы русские люди называли друг друга «сударь» или «сударыня». Его критиковали в советской прессе, он слыл почти диссидентом, хотя печатал статьи и книги и выезжал за границу.

Никита Станиславович Загребельский, румяный и белоусый, со скобелевскими надушенными бакенбардами, по-орлиному радостно взирал на хрусталь, серебро, драгоценности на шеях и пальцах дам, на летучих белоногих плясуний. Отложил вилку, с которой только что сжевал лепесток красной рыбы, и, еще дожевывая, говорил:

– Милостивый государь Яков Владимирович, в отличие от новых властителей России, вы понимаете роль и значение церкви в строительстве государства Российского. Большевики, как известно, строили свой рай без Бога, и вышел ад. Строили свою церковь без Бога, и вышел ГУЛАГ. Строили вечный Интернационал, ан получилась горстка пыли, которую ветер раздул!

Загребельский говорил назидательно, но и с легкой насмешкой. Поучительно, как пастырь, но и с легкой иронией к тому, о чем говорил. Его жена-старушка, похожая на белую мышь, что-то мелко жевала, двигала маленьким носиком, дергала румяными старушечьими щечками, подслеповато разглядывала на тарелке остатки еды.

– А ведь новую-то Россию, которую опять хотят без Бога построить, на одном только экономизме и американском здравом смысле, – ее ведь опять Бог порушит! Вот почему вы, милостивый государь Яков Владимирович, очень верно высказались на нашей встрече с владыкой, что, дескать, пора иерархам войти в политику. Пора взять на себя державное бремя, не уступая его бездуховным

людишкам, среди которых ох как много ревнителей Коминтерна, которые затаились и ждут своего часа. Церковь должна наконец возгласить с амвона свое промыслительное слово!

Загребельский был нужен Бернеру как представитель того «барского» велеречивого слоя московской интеллигенции, которая мечтала о создании консервативной патриотической партии. Такая партия замышлялась Бернером как противовес радикальным либералам, к которым многие и его причисляли, а также красным реваншистам, которые казались Бернеру наиболее опасными. Он начал вкладывать деньги в создание такой «православной патриотической партии» и недавно был на приеме у влиятельного митрополита, где изложил свои взгляды. Перед визитом он долго перед зеркалом репетировал поклоны и жесты, приличествующие принятию благословения. Прием прошел великолепно. Митрополит остался доволен подарком – старинным пасхальным яичком, усыпанным крохотными рубинами. Обещал содействие в создании партии.

– Ты действительно хочешь назначить его начальником «русской идеи»? – шепнула Марина. – У него жена похожа на морскую свинку. Такой будет и партия!

– Что поделать, моя дорогая, – вздохнул Бернер, целуя ее теплую мочку уха с капелькой бриллианта. – Вся политика напоминает передачу «В мире животных».

Опять появился молодой тореадор, в кружевах, с малиновым бантом. На серебряном подносе красовалась индейка, глазированная, политая жиром, тщательно ошипанная, словно побритая бритвой «Жиллетт». Официант грациозно, словно танцор, поворачивался вокруг оси, обносил стол, демонстрируя очередное яство. Бернер представил, как тореро с мулетой, красным плащом, сражается с индейкой. Победив ее в кровавом бою, демонстрирует свой трофей.

Марина угадала его мысли, заулыбалась:

– Месяц назад мы были с тобой на корриде. Ты запрещал мне смотреть, говорил, что ему не надо это видеть. – Она положила его руку себе на живот, и он почувствовал исходящее тепло, налитую упругую округлость.

– Закажу для тебя художнику какую-нибудь сказочную, волшебную картину, – сказал растроганный Бернер. – Смотри на нее и любуйся. И он будет смотреть и любоваться.

Индейка, разделанная и расчлененная на белые и смуглые ломти, уже лежала на тарелках. Ее поливали соусами, делили на мягкие волокна, запивали вином и водкой.

– Дорогой Дональд. – Бернер обратился к худощавому, в тяжелых роговых очках американцу, секретарю посольства, который благожелательно наблюдал за русским столом, как няня наблюдает за играющими в песочнице детьми. Его молодая, с лошадиной головой жена слегка опьянела, плохо понимала по-русски, начинала вдруг громко смеяться со странным, тоже лошадиным всхрапыванием. – Дорогой Дональд, скажите, как, по-вашему, отнеслась бы американская общественность к небольшой победоносной войне, развязанной нашим федеральным центром против одной из взбунтовавшихся окраин? Протестовала бы, как обычно, или закрыла на это глаза?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/prohanov_aleksandr/chechenskiy-blyuz

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)